

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 9

1989

Владимир ГЛОТОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

**ШАГ ВЛЕВО,
ШАГ ВПРАВО...**

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 9

Издается с января 1925 года

Владимир ГЛОТОВ

ШАГ ВЛЕВО, ШАГ ВПРАВО...

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Владимир ГЛОТОВ

Владимир Владимирович Глотов родился в Москве в 1936 году. Окончил Московский государственный институт международных отношений. В 1960 году уехал в Сибирь, стал журналистом, работал на строительстве Запсиба, затем, вернувшись в Москву, в «Комсомольской правде», журналах «Смена», «Молодой коммунист», «Семья и школа», «Наука в СССР». Выступал как очеркист и публицист в 70-е и 80-е годы в центральных изданиях. В 1985 г. в издательстве «Педагогика» вышла книга «Учитель для сына». С начала 1988 г. В. Глотов — ответственный секретарь, член редколлегии «Огонька».

Предлагаемые вниманию читателей беседы с членом партии с 1918 г. Зинаидой Немцовой и писателем Натаном Эйдельманом — попытка осмысления современной политической ситуации сквозь призму советской и российской истории.

Перед вами, читатель, два моих собеседника — 90-летняя Зинаида Немцова и 58-летний Натан Эйдельман. Разные поколения, разный возраст, но едва ли кто из них уступит друг другу в публицистическом темпераменте, да и просто в человеческой страсти к жизни.

Все, что я не смог уяснить в разговорах с Немцовой, участницей исторических событий, в том числе трагических, я пытался понять, обращаясь к Эйдельману, сочетающему в себе не только высокий профессионализм, интеллект, эрудицию, но и нравственный критерий, замешанный на судьбе семьи (его отец был репрессирован в 1950—1954 гг.).

Немцова мысленно еще в тех сталинских лагерях на Воркуте — редкая память хранит кошмарные детали; Эйдельман же — в XVIII и XIX веках, как у себя в квартире, он знает ту Россию и взглядом оттуда помогает понять нашу ближайшую историю и наш сегодняшний день.

Оба они в конечном счете ищут ответ на вечные вопросы российских интеллигентов: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Лучший способ предсказать будущее.

БОЛЬШЕВИК ЗИНАИДА НЕМЦОВА КАК ОНА ЕСТЬ

Она 71 год в партии. Решительная, категоричная в суждениях маленькая женщина, чуть с хрипотцой в голосе, с незатухающей папирогой в руке. Смотрю на нее как на живое воплощение большевизма.

Хочу понять: какие они? Каким был мой отец, большевик с 1917-го? Такой же, как Немцова? Или еще фанатичнее?

У него все пополам: тут свои, там чужие. Два цвета. И над всем парит вождь, воплощенное совершенство.

Дочь соратника Ленина — Николая Немцова, одного из активнейших участников революции 1905 года, Зинаида Немцова знала многих видных революционеров. Знала так, как мы знаем соседей, коллег по работе. Бухарина она называет нежно: «Бухарчик». Это друг, товарищ по партии, жертва, о которой она скорбит. Троцкого величает не иначе, как «господин Троцкий». Да и Сталина, Молотова: «господин Сталин», «господин Молотов»... Это враги. Даже сейчас, спустя десятилетия,

стальные струны напрягают ее лицо, немощь отступает, глаза неистово блестя и большевистская ярость озаряет весь ее облик.

Она вступила в партию в 1918-м. В 1936-м, в год моего рождения, была арестована. Она знает не понаслышке и судит по-своему. Не зритель — участник событий. К кому же еще обратиться за ответом?

Так скорее в Ленинград, на Скобелевский, к Немцовой...

ОКРУЖЕНИЕ. СВОИ И ЧУЖИЕ

— Зинаида Николаевна, вы видели Ленина?

— Конечно, не раз.

— Ваше личное впечатление?

— Меня поразило, что он всего несколько человек называл на «ты»... Ну, и его отношение к Крупской. Я помню, меньшевистские газетки, выходившие за границей, — их получали многие старые большевики, — писали много всякой гадости о Ленине... А мне запомнилось, как я стояла в Кремле, во дворе, и увидела: идет Владимир Ильич с Надеждой Константиновной. Не было еще восьми часов утра. И вот идет Ленин с Крупской и не просто ведет Надежду Константиновну, а как-то ее бережно поддерживает под руку. Они пошли в глубь сада, ну и я за ними. Мне было 20 с небольшим лет. Я наблюдала, как они гуляли в саду. Был апрель. Все набухало. Солнце светило. И он, так же бережно ее поддерживая, подводил к зеленеющим кустикам, они вместе нюхали листочки, и он как-то так замечательно поднимал голову к солнцу, морщил глаза. Мне на всю жизнь запомнилась эта бережливость Ленина по отношению к Надежде Константиновне Крупской... А недавно я была в больнице, и москвичка, жена начальника главка одного из министерств, говорила про Ленина что-то страшное. Я просто взбесилась: «Перестаньте!» «Да что вы мне говорите, — возразила она, — я вам официально заявляю, это же известно, я от мужа слышала», — и начала перечислять всякую гадость.

Взаимоотношения Ленина с Надеждой Константиновной Крупской были святы.

— Вы знали об оскорблении Надежды Константиновны Сталиным?

— Мы все это знали. Знала и я. Ведь я жила в 20-е годы с отцом в Метрополе. И помню, как мы собирались в коридоре, какие радостные были лица: поправляется Владимир Ильич, ему стало лучше! Уже левой рукой учится писать!

— А о том, что Сталин фактически держал Ленина под арестом?

— Слышала разговоры: «Зря Сталин это делает...» По существу, Ленин был изолирован.

— Вы имеете в виду его пребывание в Горках?

— Да.

— Значит, все-таки это ощущалось в вашей среде? В коридорах Метрополя?

— Да, я слышала разговоры: и вокруг Бухарчика, и от других. «Зря Сталин настаивает на такой изоляции».

— Эта изоляция интерпретировалась как заговор?

— Нет.

— Но подозрение возникало?

— Возникало, но не формулировалось. Только разговоры. Их можно было услышать случайно. Интимные разговоры. Я как-то невольно подслушала разговор папы с Калининим: «Да что же это происходит?.. Что же, Сталин сознательно отодвигает Ленина?..»

И вдруг смерть. Вот тогда мы многое услышали и узнали. Теперь обитатели Метрополя не сдерживались и нас, молодых, не стеснялись. Тут мы узнали и о Крупской, как Сталин оскорбил ее, какими именно словами. Услышали и о том, что есть ленинское завещание.

— Расскажите о Бухарине. Каким запомнился?

— Бухарчик поражал даже внешне. Небольшого роста, какой-то съезженный всегда. Едешь в трамвае и видишь: прыгает на ходу (а Коминтерн недалеко был от Метрополя). В голову никому не придет, что это деятель Коминтерна на трамвайной площадке стоит.

Слушала я его в университете, слушала и в Красном зале Метрополя.

— А Троцкого?

— Троцкий — особая роль. Для меня.

— Почему?

— Папа был членом исполкома Петербургского Совета 1905 года.

А это значит — Троцкий. Как известно, он был заместителем председателя. И пошел в ссылку вместе с папой. В Сибирь. Бежал он из ссылки, по рассказам ссыльных, потому что, как сын богача, получил немалые деньги. А папа бежать не мог: ведь за ним последовала мама со мной и с моим братишкой. Мне было тогда 8 лет.

Когда мы жили в Метрополе, Троцкий хотел, чтобы мы общались — я с его сыном. Наталья Николаевна, его жена, не раз по этому поводу звонила папе, но отец категорически не поддерживал. Он всегда говорил мне о Троцком как о барине. Может, поэтому я мало слышала выступления Троцкого. Однажды он выступал в Красном зале в связи с предполагавшейся ликвидацией кавалерии. Были собраны начальники кавалерийских частей. И Троцкий сделал блестящий обзор исторической роли коня, начиная едва ли не с Египта. Весь пафос был в защиту коня. А закончил он конкретными предложениями: что делать, чтобы сохранить кавалерию.

Второй раз я столкнулась с Троцким совершенно невольно. По-моему, в 1926 году, когда я работала в Резинотресте. Троцкий заболел и позвонил в торговый отдел, чтобы ему прислали грелки. Ему подобрали набор, который мы выпускали. И грелка лопнула у него на животе.

Он потребовал расследовать, кто прислал ему эту грелку, и нака-

зять. Разнос, скажу я вам, был невероятный. После этого он выступил со статьей о качестве.

Это была одна из последних моих встреч с господином Троцким.

В период борьбы против ЦК он принимал все меры, чтобы завоевать молодежь. Я училась тогда на вечернем отделении университета, он приезжал к нам, выступал перед молодежью. Его ораторское искусство было потрясающим.

— Зинаида Николаевна, что было в основе вашего воспитания?

— Все идейное, да и культурное я получила в ссылке. От папы, рабоче-фрезеровщика патронного завода города Тулы, который стал революционером-профессионалом и членом партии с 1897 года. Бесконечно эрудированный человек. Рекомендации, что читать, как развиваться, борьба с мешанскими привычками, погоней за бантиками, ненужной кокетливостью — все от папы. И от ссылки. Она ведь была долгой... Я знала многих революционеров. Наблюдала, слушала их разговоры. Не хочу сказать, что работала с ними на равных или хлопала по плечу. Старые большевики не допускали такого равенства с ними молодежи. И мне больно, что большевизм не вполне воспитывается в молодых. Та грань, которая была между старшими и молодыми, была законной. За ними было все! Каторга, ссылки. Они выслушивали нас, могли поправить, посоветовать. Могли и поставить на место.

А сегодня член партии с 1924 года позволяет себе сказать мне: «Ты что, Зинаида Николаевна, у нас с вами разница всего 6 лет!»

Ничего себе! Это когда Ленин говорил, что восемнадцатый — самый страшный год. Кто шел в партию в восемнадцатом, знал: идет на смерть или на победу.

— Все это было отчетливо, Зинаида Николаевна? Правые, левые? Свои, чужие?.. Неприятие всего иного?

— Я расскажу вам, что отец сделал со своим собственным братом, эсером. Они разорвали отношения, когда брат вступил в эсеровскую партию. И когда уже отказался от эсерства, был на большой хозяйственной работе, приехал встретиться с отцом, тот его не принял. Дядя Ваня обратился ко мне, я приняла его с семьей в своей комнате. Потом с отцом разговаривал Орджоникидзе. Ведь дядя приехал как директор Кольчугинского завода в распоряжение Орджоникидзе, и тот его назначил директором авиационного завода. Орджоникидзе встретил папу в кремлевской столовке, наел на него: «Что ты делаешь с Иваном? Обалдел, что ли? Вон он какую пользу принес! Я его сейчас жду!» Только тогда отец с ним встретился.

А когда папу репрессировали, дядя Ваня страшно боялся, что репрессируют и его. За связь с отцом.

МАКСИМАЛИЗМ. ОТКАЗ ОТ УБЕЖДЕНИЙ

Это очень важная тема: отношение ветеранов партии — нет, не к врагам — к инакомыслию вообще, к своим, как к чужим, если взгляды своих не совпадали с генеральной линией. Судя по рассказу о Николае Немцове, такое настроение поддерживала старая гвардия: если не с нами, то против нас — категоричность до разрыва.

Публичные обвинения подогревали жажду и публичных покаяний. Максимум до абсурда: требовали отказа от убеждений. Мы привыкаем видеть в процессах 30-х годов исключительно политический фарс, режиссуру Вышинского с мрачной фигурой злодея за спиной. И с марионетками в роли вчера еще убежденных людей, обвинявших послушно друг друга, а потом и себя.

А начинали ведь не с фарса.

— Зинаида Николаевна, как вы относились тогда к выступлениям Каменева, Бухарина против Сталина, к их идеям внутрипартийной демократии, к их критике партаппарата?

— Отец никогда никакой оппозиции не поддерживал, Калинин тоже, а они дружили, поэтому я считала, что это самый настоящий троцкизм. И мы искренне совершенно голосовали за то, что нам предлагала партия.

— Вы говорили, что Бухарина любили...

— Любить любили, но борьбу против него поддерживали... Понимаете, когда я сейчас оглядываюсь назад, я прихожу к мысли: мой отец, погибший вместе с Крыленко, судимый по одному делу, и другие революционеры, старая гвардия, они виноваты в том, что в свое время не выступили против Сталина. Это они сдерживали выступления против него.

— Но почему?

— Сталину удавалось иметь большинство. Арифметическое большинство. Он его добивался и получал. А особенность старой гвардии: раз большинство, пусть даже оно ошибается, ему надо подчиниться. Демократический, но централизм — строжайшая дисциплина.

— Подвел догматически понятый демократизм?

— Это не догматизм. Это линия. В этом и состояла суровость партии нового типа.

— Да разве не очевидным было, что Сталин ведет к катастрофе?

— Нет.

— И в 1929-м?

— В 1929-м, во-первых, еще не были опубликованы последние статьи Ленина, во-вторых, нам преподносилось все так, что мы и не рассматривали происходившее в деревне как катастрофу. В ходе коллективизации Сталин сделал невероятный кульбит. Выступил со статьей «Головокружение от успехов». Стал обвинять тех, кто торопился. И мы считали, что, по существу, он правильно ставит вопрос.

— Вы ему доверяли?

— Да, доверяли.

— А завещание?

— Знали ли коммунисты о завещании Ленина? В полноте не знали. Этот вопрос сохранили в себе старая гвардия. Рассказа о завещании — в широком пропагандистском смысле — не было.

— То есть старая гвардия в каком-то смысле скрыла информацию об этом завещании от партии?

— Нет, завещание было опубликовано в бюллетенях съезда.

— А кто читает бюллетени съезда? Рядовые члены партии не знали?

— Нет, не знали.

— А как вы считаете, заменили бы Сталина в 1924 году, если бы о завещании узнали широко?

— Безусловно.

— Таково было доверие к Ленину?

— Да... Ведь о Сталине мы начали узнавать много позже, когда возле него стали появляться такие фигуры, как Молотов, Каганович.

— И как вы к этому относились?

— Вспомните X съезд. «Подчиняться большинству» — было нашим воспитанием, буквально. Так и к Сталину относились. Он поддерживается большинством.

— А когда возникло — не просто подчиняться большинству в действиях, но и отказываться от убеждений?

— Когда троцкизм нарекли контрреволюционным течением.

— На XIII съезде?

— Да. Отказ от идей — я была настолько наивна, что искренне верила в это. Один убежденнейший троцкист какой-то период работал у папы, кажется, в комиссии Помгола, они даже дружили с нашей семьей. Его исключили из партии за то, что не отказался от своих взглядов, и ему грозил арест. Тут надо уточнить: перед тем, как троцкизм объявить контрреволюционным течением, шла борьба за оппозиционеров — чтобы те отказывались от своих убеждений. И однажды жена того троцкиста пришла к папе за помощью — человека сняли с работы, никуда не принимают, конечно, тяжело материально. Я по наивности говорю папе: «Может быть, мне с ним поговорить?» Ну, чтобы отказался от своих убеждений. Отец на меня цыкнул как следует: «Действительно, ты повлиешь! Партия сейчас перед ним ставит этот вопрос. Партия! И он не отказывается. А ты, видишь ли, с ним поговоришь, и он откажется».

Потом мы встретились с ним на Воркуте. С этим троцкистом... Но сперва тех, кто не отказывался от своих убеждений, отправляли в политизолятор.

— Что это такое?

— Политизолятор? Они были специально созданы после эсеровского процесса. Удобные камеры. В них люди могли работать. Или не работать, по выбору. И географически политизолятор находились в хороших местах. Можно было гулять. Но люди считались арестованными,

то есть заключенными. Хотя и пользовались библиотекой. Им предлагалось: изучайте. Проверьте свои знания. На подлинниках. Вернитесь к Марксу, к Ленину. Поработайте над собой. И окончательно решайте вопрос о своих убеждениях... Потом мы встретились с теми троцкистами, когда ехали на пароходе от Котласа в Княжпогост, двигаясь на Воркуту... Всех тех, кто сидел в политизоляторах, направляли ведь в обычные лагеря. На том пароходе оказалась громадная группа троцкистов, они себя называли «ортодоксами». У нас с ними произошла даже драка. Потому что мы их называли фашистами, а они — нас.

— Это слово уже циркулировало?

— Да.

— Когда это было?

— В 1937-м. Середина 1937-го. Лето.

— Значит, с вашим знакомым троцкистом вы встретились на том пароходе?

— Нет, не на пароходе. На шахтах Воркуты. Он остался троцкистом.

— Не пытались его опять переубедить?

— Нет. Мы ненавидели троцкистов.

— А они считали вас сталинистами?

— Да!

— А вы себя?

— Н-нет... Мы продолжали считать себя ленинцами.

— А то, что вас посадили, — связано со Сталиным, вы понимали? Или считали, что действует какой-то другой механизм, помимо него?

— Абсолютно другой.

— Но если другой, тогда вы должны были считать себя приверженцами Сталина?

— Но Сталин-то говорил, что он последователь Ленина. Мы и письма писали Вышинскому. Этой сволочи. Считали, что Сталин не знает о том, что происходит.

— И все-таки, Зинаида Николаевна... Как это — отречься от убеждений? Вы считали, что это нормально — насильственное отречение от убеждений? В камере, в политизоляторе. Сама постановка вопроса правильна ли?

— Сама постановка вопроса у меня и тогда не вызывала сочувствия.

— Но атмосфера, настроение в партии — все правильно? Считалось нормальным?

— Я приведу пример. В Тобольской ссылке с отцом был меньшевик Генрих Семенович, не помню его фамилию, адвокат. После Октябрьской революции он был членом меньшевистского ЦК. И не отказался от своих убеждений. Когда прошел процесс меньшевиков, его отправили в лагерь...

В Тобольской ссылке у них с отцом были хорошие отношения, хотя они и горячо спорили и доходило чуть не до кулаков. Но общались

по-человечески... И вот пришел он к отцу в Метрополь, захотел с ним повидаться. Отец его не принял. Потому что тот не отказался от убеждений. Тогда Генрих Семенович встретился со мной, сказал: «Зиночка, ну объясни ты своему папоське, что никаких враждебных убеждений у меня уже не осталось, наоборот, я хочу принести сейчас пользу».

Мы уговорили отца вместе с мамой.

Вот так относились большевики к убеждениям. И к необходимости отказываться от убеждений, враждебных, по их мнению, Советской власти.

НАЗНАЧЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

В начале 30-х Зинаида Немцова оказалась в центре событий, разворачивавшихся в Ленинграде. Максималистка, щепетильная особа, болезненно воспринимавшая любой намек на продвижение за счет имени отца, она решительно заявила о своей самостоятельности, держалась в стороне от родительского шлейфа. Она и замуж вышла «вопреки». Отвергнув не только сына Троцкого (что было отцу понятно), но и молодого, набиравшего силу Молотова, секретаря ЦК (что выглядело уже странно). Пришла домой с Леонидом, обвиненным потом в «троцкизме». Долой предрассудки — регистрацию! Заявила: «Все, поздравьте нас». Надула отца, а заодно и его друга Калинина, так и не зарегистрировавшись. Но, впрочем, так же быстро и рассталась.

Родилась дочь. Набирала обороты карьера. Немцову назначают культпропом на Металлический завод имени Сталина. Зинаида, конечно, в бунт. Первая реакция: на Металлическом отец провел революцию пятого года, его — Макара (подпольная кличка) — знают и вдруг решат: папочка дочку устроил.

Приехала в Москву просить отца, чтобы переговорил с Кировым: не надо на Металлический.

Тут любопытен эпизод. Николай Немцов позвонил Калинин: «Знаешь, Зинка приехала, такую муть разводит...» Рассказал. Калинин отвечает: «Диван-то рядом с твоим креслом. Положи ее на диван, сними штанишки и выпори как следует, да и отправь обратно в Ленинград. Ей честь предложена...»

С тем ее и отправили.

— Я приехала в Ленинград. Раздался звонок: «Вас ждет Киров». Поехала, захожу, он улыбается: «Ну что, Зиночка? Попало? Не выпорол?» Рассказал, почему посылают меня на Металлический.

В конце 1929-го секретарем парткома завода стал некто Семячкин. Очковитатель несусветный — рапортовщик. При нем присвоили заводу имя Сталина. Хотя, конечно, надо бы Ленина. Все-таки первый советский турбинный завод.

И вот Семячкин, не посоветовавшись всерьез с рабочими, выносит решение о «встречном плане», родив его в аппарате. И делегацию отправили к Орджоникидзе. Тот утвердил 700 тысяч киловатт в год. Но Семячкин хотел аж 800 тысяч.

Потом на XVII съезде говорили, что по вине завода стоят 18 электростанций. Это рапорты Семячкина, когда четыре турбины на стенде испытывали с одним ротором, а потом на одну турбину ставили этот ротор, три же отправляли на электростанции без роторов. Отчитывались, однако, что сделали четыре...

Киров, конечно, снял Семячкина. Появилось даже выражение «семячкинщина». Рапортовщина. Тот действительно отрапортовал «вождю партии тов. Сталину: выполнили первую пятилетку за два года и девять месяцев». И орден Ленина получил. Даже книга о нем вышла.

— О Семячкине?

— Да, о нем. Сидела одна такая в заводском музее, все этого Семячкина показывала, а Гошки Иванова, секретаря парткома, сменившего Семячкина, даже фотографии не было. Столько «липы». Ужас! В общем, с трудом мы тогда выбрались. Во второй пятилетке делали две. Словом, Киров снял Семячкина, снял и его культпропа, направил меня... А в 1934 году, когда убили Сергея Мироновича Кирова, на следующую ночь по телефонному звонку господина Сталина нам было предложено составить списки бывших оппозиционеров. И Зиночка ваша вместе с Гошкой Ивановым составляла эти списки. И всех их арестовали.

— То есть как составляли списки?

— Для райкома. Тех, кто хотя и отказался от оппозиции, но в прошлом был оппозиционером.

— Но вы ведь понимали, зачем?

— Тогда нет. Потом, когда сама была арестована, вспомнила эти списки. Начала понимать, зачем их составляли. Все приходило потом.

Когда меня вызвал следователь, он сказал: «Вы что? Думаете, к нам так просто попали? Визу поставил сам Жданов!» А незадолго до ареста Жданов был у меня на «Светлане» (я в то время работала уже там секретарем парткома) и сообщил мне, что они выносят решение о назначении меня заведующей отделом пропаганды обкома. Я сказала: «Андрей Александрович, я не хочу. Вы меня простите, это не мой уровень работы. Я как-то не подготовлена для работы в аппарате». Он мне: «Но ведь это троцкизм...» То есть такое отношение к аппарату — троцкизм. «Ну что вы, Андрей Александрович».

Все было... И желание захватить чужую квартиру. И то, что рабочий мог сказать инженеру: «А ты вредишь!» Доноса хватало — одного заявления. Напишут — и ночью человека возьмут.

В мае 1936-го арестовали Леонида. И хотя мы уже в это время не жили вместе, разошлись, и я вышла замуж снова, меня вызвали в Комиссию партконтроля, орали на меня: не проявила бдительности по отношению к своему бывшему мужу, контрреволюционеру.

— А кто кричал, помните?
— Рубин. Председатель КПК. Потом его тоже посадили. Четыре очереди своих следователей мы принимали в лагере!

— И было удовлетворение?
— Сперва хотелось бить. А потом? Они ведь такие же, как мы, и разделили с нами нашу участь. Выкристаллизовывался человек!

Словом, я была в тяжелейшем состоянии. Из Москвы приехала мама, удивлялась: что это Джерка, наш пес, ходуном за мной ходит? Даже помогал — зубами тащил книги, которые мама собиралась жечь.

— А что жгли?

— Сожгли завещание Ленина, в приложении к бюллетеням к съезду. Серенькие такие, неказистые. И всего Троцкого.

— А вы уже знали, что полагалось за завещание?

— Да, за него расстреливали. Если при обыске обнаруживали завещание, человек проживал неделю. Раз берег — значит, готовился к убийству Сталина.

В день ареста мои друзья заставили меня пойти в театр. Приехали и сказали: «Надо тебе отвлечься». А я всегда была женщиной. Я и на гражданке с косой воевала. Длинной и вьющимися волосами. Они распрямились у меня в лагере в ту ночь, когда Марианке, моей подруге, принесли вторую бумажку, на новый срок. И стали седые.

Я оделась. Синее вуалевое платье на чехле, вышитое серебряными ирисами, юбка-двадцатиклинка, как веер балерины. Хорошие туфли. И волосы до плеч, локонами.

Возвращались из театра пешком по набережной. Рассказывали какие-то исторические анекдоты. И уговаривали: пройдет, все благополучно будет. Подходим, открыты ворота, и дворник на улице, а было, наоборот, больше часа ночи.

Я говорю: «Ну, до свидания, ребята, что-то меня ждет...» «Перестань!» Расцеловали мне руки. Ушли. Мама открыла дверь, я поднялась. Вошла, муж еще не спал. Я сказала: «Ты знаешь, пожалуй, сегодня меня арестуют...» Он мне: «Зинка, у тебя уже мания!»

Но буквально через полчаса раздался звонок. И дикий лай Джерки. Звериный лай. Я встала. Слышу из-за двери: «Уберите собаку!»

Я и так, и сяк, пес вырывается, не могу. Самуил с ним мучился, не подчиняется нам. Опять бросается. Долго мы с ним возились.

— А за дверью спокойно ждали?

— Ждали... Вошел человек. И два подчаса с винтовками. На Джерку надели намордник. Привязали в ванной. И все началось.

— Предъявили какую-то бумагу?

— Ордер. Начался обыск.

Когда меня уводили, Джерку отвязали, и он приполз к моим ногам. Проснулась и Майка. Было уже утро.

Уводили почетно. Начальник отправил подчасков. Предложил мне собрать вещи, все разрешал. Даже советовал, что взять. У меня не было

папирос и не было у нас денег. Муж побежал к кому-то, достал деньги. Увозили не в «черном вороне», в легковой машине. Даже по пути заехали в магазин, купили папирос.

Привезли в маленькую комнатушку. Сижу. Начальник сдает документы, которые забрал при обыске. Слышу, говорит: «Ничего не понимаю... За что ее взяли? При обыске ничего не обнаружили. Квартира? Настоящего большевика. Не понимаю...»

Я попросила следователя, чтобы Майку отправили в детский дом. Но приехала моя сестренка за ней и взяла ее вместе с Джеркой к папе. Потом арестовали папу. А при аресте мамы моя Майка не выдержала, оказалась в больнице. Это был уже третий арест на ее глазах.

Мое счастье — не счастье, конечно, ну, скажем, особенность, — что меня посадили за бывшего мужа, арестованного раньше меня. И дали КРД, контрреволюционную деятельность, а абсолютное большинство тогда получали КРТД — контрреволюционную троцкистскую деятельность.

— Это хуже?

— Гораздо хуже. Другой режим. А если бы тогда меня выпустили, я бы с вами сейчас не разговаривала. Потому что через год, в 1937-м, арестовали все бюро Выборгского райкома партии, а я была уже членом бюро райкома партии. Меня бы расстреляли. Так что мне даже повезло...

ИСПЫТАНИЕ

Что перенес человек в сталинском лагере, мы, не испытывавшие и малой доли того, тем не менее хорошо знаем. Спроси любого: расскажет.

В повествовании Немцовой об этапах, о воркутинских лагерях — все то же. «Зима, по реке шла шуга, нас поместили в небольшую комнату, человек сто, и мы, как шпроты, укладывались друг на друга, а часть дежурила, ожидая своей очереди лечь...»

Так Немцова прожила на лесопункте до глубоких морозов, до декабря, в Княжпогосте, куда доставил ее вместе с другими заключенными пароход по Вычегде — и троцкистов, и сталинистов, и ортодоксов, и отступников. У всех теперь была одна доля. «У меня был гребень. Мы принудительно всех вычесывали. Это выучка политической ссылки... В небольшом бараке мы, женщины, старались соблюдать гигиену, и потому нас больше выживало, а мужики гибли невероятно. Мы мылись в проруби при 30-градусном морозе. У костра устраивали прямо на улице бани».

А потом пошли пешком. По 25 километров в день. А то и по 30. Хорошо, если в конвое добрые люди, дадут возможность переменуться, разложить костер. А если злые? Валяйся, подыхай. Бывал страшный конвой. Тогда держись, или погибнешь.

«У меня в 1930 году был менингит, осталась менингеальная эпилепсия. Я вдруг деревенела, смыкались челюсти, я теряла сознание. Когда начинался приступ, меня, как свечку, держали на лошади. Конвой разрешил».

Слушая рассказы об этом периоде, я поразился одной встрече, имеющей отношение к теме нашего разговора.

— Это было уже на Воркуте. Там мы жили в землянках. Хорошо было. Двухъярусные нары. Весь берег реки Воркуты стал земляночным городком. Наверху — управление лагеря. И вот иду я как-то — в то время меня уже иногда использовали медсестрой (мало было медперсонала), а в основном еще была на общих работах, — иду и вдруг слышу: «Зинаида Николаевна!» Поворачиваюсь — человек в служебной форме вольнонаемных. «Не узнаете?» Спрашивает: «Ну, что, Зинаида Николаевна, вы меня не помните? Я Ступин, белогвардейский офицер, проходил вашу комиссию».

Это было в 1920-м или 1919-м, меня забрали тогда в ЧК, в комиссию по проверке оставшихся белогвардейских офицеров. И Ступин проходил эту комиссию. Я в то время его, конечно, не знала, с ним не сталкивалась. И комиссия вынесла обычное решение: лагеря. Большой срок ему дали... Он лагеря прошел и остался вольнонаемным.

— И как он к вам отнесся?

— Повел к себе в землянку, накормил. И говорит: «Ну, что вы расстраиваетесь, Зинаида Николаевна? Ведь сейчас происходит выполнение нашего лозунга: «Вся власть Советам, но без коммунистов!» Так и сказал: «Будьте уверены: все попадут в лагерь».

Вспомнила я тогда и свою домработницу, раскулаченную. Как она за то, что мы ее вывели — она водила Майку, мою дочь, в церковь, — говорила нам на прощание: «Вы, коммунисты, этак пропадете! Вас уничтожат!»

Однако я выжила. Хотя выжить было очень трудно. Честно говоря, многие из наших, хотя и мужчин-то рядом было мало, сумели соорудить себе детей, полагая, что это поможет освобождению, да многие и беременными попадали в лагерь. Но освобождали только уголовниц. Марианка — моя подруга, которой дали три года, а потом, по второй бумажке, еще семь лет. Марианка Ремзина, сделавшая для меня так много, буквально спасшая меня, когда у меня был нефрит, тоже родила в лагере. И назвала дочку Сталина.

— Как, как?

— Мы называли ее Талинка.

— А почему Сталина?

— Как вызов.

Но что делали эти мерзавцы с матерями? Мать имела право лишь приходить кормить своего ребенка. Дети содержались отдельно. А че-

рез год их отправляли в неизвестном направлении. Матерям же давали разъяснение: «Вы нарушили режим. Связь с мужчиной не разрешалась. Поэтому эти дети не ваши, а наши, они принадлежат госбезопасности, вот мы их и вырастим».

Но Марианка освободилась, когда Талинке не было еще года. Унесла ее с собой. Правда, потом девочка умерла. А родила она, кстати, от князя Оболенского.

— А он за что попал?

— За то, что князь.

ВЕРА И РАЗУМ

Разговор опять возвращается к теме: кто привел Сталина к власти?

Потрясает мысль Немцовой: многие старые большевики, гвардия, повинны в сталинизме. Так и говорит: «Убеждена в том. Могли, но не убрали Сталина на XVII съезде».

— Это был съезд победителей?

— Съезд репрессированных. Так его потом называли в народе.

— Какая была атмосфера на съезде?

— Я приехала к открытию, за несколько дней. Пошла в гостиницу, где остановились наши ленинградцы. Это было, по-моему, на Тверской. Сидят все наши ребята, Петька Смородин, другие, и рассказывают мне, что делегации ходят друг к другу и договариваются: будем выбирать генсеком Кирова. Согласие дали все делегации, за исключением грузинской.

Петька мне говорит, что разговаривали об этом с Кировым. Киров сказал: «Не делайте этого». И будто бы сам рассказал об этом Сталину.

— Что собираются за него голосовать?

— Да. И сказал, что делать этого не нужно. Сталин его похлопал по плечу: «Этого я тебе никогда не забуду».

— И ведь не забыл?

— Да, не забыл. А внешне съезд проходил очень мило! Как съезд победителей. Все было «ура»... Но со Сталина мы удрали с Павлушкой Булатом, братом Ивана Булата, второго секретаря Украины при Постышеве. Профессор, виднейшая фигура по политэкономии в 30-е годы в Ленинграде.

— Так вы удрали с выступления Сталина?

— Удрали. Сталина было тяжело слушать... В 1928-м, по-моему, году Сталин приехал к нам в Ленинград и больше никогда до смерти Кирова в Ленинграде не был. А приезжал он к нам делать доклад, кажется, о пленуме ИКИ на партийном активе в Таврическом дворце. Говорил он с таким акцентом и так медленно, что в процессе доклада сперва галерка опустела, потом начал пустеть балкон, а потом уже побежал

партер. Киров сидел красный, как рак. Постучал: «Товарищи, не нарушайте, пожалуйста, порядок».

Сталин этого, конечно, не забыл.

— Злопамятен был?

— Безгранично.

— И все-таки на XVII съезде при всей его атмосфере победителей 300 голосовали против Сталина? Никто не выступил с трибуны против, но проголосовали против.

— Голосовали за Кирова.

— Как вы расцениваете сам этот факт: открыто никто не выступал против Сталина, а тайным голосованием прокатили? Как вы к этому относитесь? К способности людей так себя вести? Для большевиков это ведь в определенном смысле новая система поведения. Не так ли? Двойственное сознание. Получается вроде бы не по-большевистски?

— Поэтому весь съезд и был арестован. Я лично такое поведение объясняю одним: люди не хотели раскола в партии. Знали: Сталин имеет опору. Тогда уже был Каганович. Страшная фигура. Все жду, когда о нем напишут.

— И все-таки, что дало Сталину вот это: против него голосовали почти 300 делегатов, но никто открыто не выступил?

— Сталину это сказалось, что он силен. И может спокойно идти на расправу.

— Мне кажется, что факт, о котором мы говорим, показывает: у большевиков в то время уже было осознание ситуации, но вот почему они его не сместили, почему действовали нерешительно? Почему не сделали необходимого партийного шага? Вы говорите: боялись раскола. Но раскол-то уже фактический был. Тогда чего боялись? Может, тут элементарный страх? Простой, человеческий. У каждого за себя?

— Конечно, уже было «вредительство», прошли процессы, Сталин уже громил научную интеллигенцию.

Ведь что такое большевизм? Ленин совершенно не допускал разрыва: чтобы с одной стороны — марксистская убежденность, а с другой — свобода в личном поведении. Нет, только соединение. Большевик тем и отличался: личная жизнь соответствовала убеждениям. Большевик — это нравственная фигура, несущая новую мораль. Отсюда самоотверженность, преданность. И такое же воспитание в семье. И чтобы семья переносила все. Вот суть большевизма.

Но эта суть стала размываться, исчезать. Я помню, мне позвонила из Москвы секретарь редакции журнала «Работница» Валя Кон, жена Александра Кона, экономиста, и невестка Феликса Кона. Говорит: «Выберись в Москву. Намечается интереснейшее мероприятие. Сталин объявил, что в честь 8 Марта будет банкет в Кремле. Я достала билеты».

Я поехала. Узнаю: дано указание, чтобы все наши деятельницы женского движения явились на банкет не нигилистками в строгих английских костюмах, с кофточкой и галстуком, короткой стрижкой, а вы-

глядели женщинами, и чтобы наряд был соответствующий. Наши активистки носились по Москве как угорелые, приводили себя в предписанный Сталиным вид.

И вот банкет. Их раньше не проводилось. Сидит Сталин. Рядом — наши знатные женщины, конечно, Ворошилов, Каганович. Начались тосты. Не знаю, когда появилась легенда, что Сталин пьет исключительно грузинское вино — он пил тогда водку. Активистки целовали его нежно в плечико. Пели частушки. Сталин подозвал Буденного: «Ну, покажи, как умеешь играть». Буденный взял гармонь, долго играл, устал, пот ручьем, хотел передать гармонь, но Сталин приказал: «Нет, играй!» — и приплясывал. Тут наступил перерыв, и Косарев поставил пластинку, тогда появились патефоны, заиграла музыка — фокстрот, можно было потанцевать. Но Сталин гаркнул: «Прекрати!» Что, мол, ты эту западную пошлость заводишь. И опять приплясывал, крепко выпив, под гармошку, окруженный полными счастья активистками.

Мы с Валюшей не выдержали этого ужаса, ушли. С той поры и начались по стране банкеты. Каждый местный вождь теперь получил право устроить официальную пьянку. Руководящий народ входил во вкус жизни. Владимир Полонский, начальник политуправления Наркомата путей сообщения, все звал нас к себе на дачу в Серебряном Бору, где мы тоже жили, хотел показать, как он там все устроил. Наконец мы собрались: папа, мама, я с братом. У дверей нас встретил швейцар в ливрее, дальше — горничная. Нас провели в гостиную, сказали: «Хозяин сейчас выйдет». Черт знает что! За обедом за спиной крутились лакеи. Я сидела, как каменная, молчала, потом не выдержала: «Что же это ты, красавец, творишь?» «А что? Каганович считает, что мы, руководители, ни в чем не должны нуждаться». «Да как ты можешь?! Ведь ты член партии с 1912 года, был скромным человеком. Что с тобой, Володя, стало?» «Брось ты всю эту муть, идущую от Чернышевского... И я тебе не Володя, а Владимир Иванович!»

Ну, я встала и ушла. Это был уже не большевизм.

Увы, старый большевик В. И. Полонский и сам был потом репрессирован.

А Сталина уже знали к тому времени — он в личном плане был ужасен... А почему они не выступали против него открыто?

Вы поймите, он уже начал громить военачальников, уже прошла ликвидация кулачества как класса. Промпартия, кондратьевщина... И все ему удавалось!

Уже начало действовать: человек что-то сделал не так, и начальник цеха ему спокойно говорил: «Ты вредитель!» Вошло в обиход. Мою Марианну Ремзину посадили только за то, что она, когда доложили о смерти Сергея Мироновича Кирова и Сталин приписал убийство зиновьевскому блоку, сказала: «Ну все! Лес рубят, а щепки летят». Вслух сказала. Ночью ее арестовали.

— Как вообще к Сталину относились в Ленинграде?

— Не славили! Была нормальная партийная обстановка. Тогда на Политбюро выступил Каганович, сказал: это нехорошо, Сталин признан народом, является вождем, полностью заменил Ленина, в Москве, когда упоминается имя Сталина, все встают, а в Ленинграде этого нет. И упрекнул Кирова в том, что Ленинград на особом положении.

Я в то время была культпропом на Металлическом. Приехала в Москву в командировку, вечером приехал на машине мой брат, он был членом бюро Московского горкома. И вдруг говорит: «Вот я сегодня только в четыре утра попал к Кагановичу на прием. Вот как у нас работают вожди!» Я его слушаю, говорю: «По-идиотски работают. И ты, как идиот, сидел до четырех. Зачем?»

Брат начал кричать: «Вы безобразно относитесь к Сталину! Вы не признаете Сталина! А он полностью заменил нам Ленина». И тому подобное.

Приезжаю в Ленинград, выхожу на работу. Секретаря парткома Гошку Иванова вызывают к Кирову.

Возвращается днем, зовет нас и рассказывает, что Киров собрал узкий круг и поведal о выступлении Кагановича. Сказал: «Надо исправлять положение».

Гошка Иванов тоже собрал узкий круг, тех, кого мы знали, от кого не ожидали провокаций, кто не предаст. И пошел сплошной анекдот.

Идет собрание. И каждый десятый, стоит назвать имя Сталина, начинает хлопать в ладони. На него сперва озирались. А потом тоже вставали и принимались хлопать.

Вот так ваша Зинаида Николаевна насаждала почтение.

— Ну, а как себя оправдывали? Чем объясняли? Партийной дисциплиной? Какими высшими соображениями?

— Сталин строит социализм, ведет правильную политику.

— Понять это невозможно...

— Не идеализируйте. Я присутствовала на съезде, где был Ленин. Все вставали. Устраивалась невероятная овация.

— И Сталину захотелось того же?

— Конечно...

— А что происходило в деревне, доходило до вас? О голоде на Украине, на Северном Кавказе?

— Знали. И то, что Косиор обратился к Сталину за помощью для голодающей Украины, а тот послал его к такой-то матери на легком катере. И что помог Киров. Киров и Орджоникидзе, посылавшие продукты. Но самую главную помощь организовал Киров, предложив Косиору прислать всех голодающих на работу в Ленинград. У нас столько появилось после этого украинских фамилий: тьма-тьмуцкая. Мы готовили рабочие места. Вы думаете, Сталин забыл это Кирову?

— Но если понимали или догадывались, то почему не действовали? Даже тогда, когда пришли за вами, когда до этого вызвали вас в КПК — и все было ясно, — вы продолжали жить, как жили, даже по-

шли в театр... Не стремились бежать? Не было нормального чувства: принять меры для своего спасения?

— Нет. Это потом пришло к людям... Так я от второго ареста освободилась в 1949-м. А тогда? Когда арестовали Леонида, я поехала к Петру Смородину. Он уже был секретарем Московского райкома партии Ленинграда, а райком выстроил себе новое здание с жуткими кабинетами, роскошными, под черное дерево. Громадный стол... Он говорит: «Я сидеть, Зин, тут не могу, меня давит все...» Я ему: «Что делать будем? Леонид арестован!» Он говорит: «Зина, ничего не сделаешь... Идет лавина. Я мечтаю только об одном: как бы мне уйти сторожем на маяк».

— Да это же состояние обреченных.

— Лавину было не остановить.

Однажды, уже в лагере, меня послали в командировку. Туда, где содержались сумасшедшие.

— Заключенные — сумасшедшие?

— Заключенные... Когда я вошла в барак, я услышала гул. Абсолютное большинство разговаривали со Сталиным! «Дорогой товарищ Сталин, я же всегда был такой... Никогда... Послушайте меня...» И так далее. На почве Сталина, обращаясь к нему, люди сходили с ума.

— Когда же вы, Зинаида Николаевна, начали понимать, что Сталин есть Сталин? Что Сталин все знает?

— Не сразу... На Воркуте мы пробыли недолго. Оттуда всех женщин отправили в совхозы. Нас — в совхоз «Кочмос»...

— Кочмос? Не космос, а кочмос? Это как-то связано?

— Нет. «Кочмос» на языке коми «Земной рай». Там мы жили опять в землянках. И секретарь парткома Сталинградского тракторного организовала бригаду строителей. Мы прошли эту нехитрую науку, стали строить бараки. Постепенно режим менялся. Самый страшный при Берии, уже перед войной.

Начальниками лагерей были сперва дзержинцы, как их называли. Те, кто еще работал в ЧК. У нас таким был Подлесный. Когда не было рядом охранника, он вел себя вполне прилично, даже называл нас на «вы» и говорил: «Товарищи».

В «Кочмесе» меня перевели медсестрой, а санитаркой была профессор Зинаида Чертенко. Подлесный часто бывал в больнице. Видел, как мы с Зинкой творим невероятные вещи, пытаюсь облегчить заключенным положение. Сказал: «Давайте встретимся».

Мы условились. И встретились в котловане. Подлесный рассказал, что из охранников хороший, расспрашивал о положении людей, сказал, что принимаются меры, чтобы все-таки закончилось беззаконие. Но, к несчастью, не решает этот вопрос Сталин. И тут мы спросили: «А вы считаете, что Сталин знает?» «Да, я твердо знаю, что Сталин все знает».

А время шло. Для многих истек срок заключения. Люди месяц за месяцем ждали освобождения. Им сказали: «Можете не ходить на работу...» Наконец вызвали: «Распишитесь». И те, кто имел три года, получи-

ли 10 лет нового срока. Марианка Ремзина получила 7 лет. В бараках стоял вой. Несколько человек сразу же пошли в тайгу и повесились. Поняли: будущего нет. Жили-то сроком. А теперь стало ясно: нет гарантии, что в следующий раз не придет такая же бумажка.

Подлесный пошел по баракам, говорил: «Товарищи, возьмите себя в руки». В ответ стон всю ночь. И всю ночь работала рация. «Товарищи,— говорил он,— вы слышите, работает рация, мы запрашиваем: не может действовать такое беззаконие! Мы будем обращаться к международным организациям! Поверьте, что это должно прекратиться».

Когда пришли и его самого арестовывать, он успел застрелиться.

— Что же спасало вас, Зинаида Николаевна, в лагере? Откуда брались силы?

— Что нас спасало? Когда пришел Берия, действительно стало невыносимо. В карцер сажали за белый воротничок, за то, что наденем свою собственную юбку, а не лагерную. Если не ходим в обмотках и фуфайке третьего срока. За чтение «Большевика». «Вы контрики,— говорили нам,— и ведите себя как контрики».

В «Кочмесе» была на общих работах, снимала зимой торф, работала на лесоповале, это с моей-то фигурой. Мне снег был по пояс. Да еще эти припадочки. Сделали носилочки и на них меня уносили. Я собирала сучья, рубила тоненькие березки. Но даже этот труд — на лесоповале, на снятии торфа, когда мерзнешь, да третий срок,— мы считали своим делом. Мы продолжали строить социализм! Пусть заключенные, но мы осваивали Север! Мы пионеры.

— А не приходила мысль, что осваиваете Север для Сталина?

— Нет. Для народа. Для социализма. Никогда в голову нам не приходило, что для Сталина. Поэтому и переносили. Продолжали жить верой — наступит момент, вернемся...

Когда я попала на Воркуту, там была одна шахта Капитальная, а когда уезжала, их было уже пять! Первая построена еще раскулаченными, вся деревянная. А когда уже мы пришли, среди нас было много нефтяников-коммунистов из Азербайджана, они уже строили действительно капитально. Я уезжала — городок вырос!

— И что — ощущение гордости, что ли, было?

— Конечно. Стояло пять капитальных шахт, вы представляете?!

— И чувство своего вклада?

— Да, мы не в стороне!

Я слушаю старую женщину, полную сил. Лицо ее живет нервно, одухотворенно. Вдумываюсь в слова: какой-то театр абсурда. Сумасшедшие, бормочущие как заклинание имя Сталина. Здравомыслящие, осваивающие для него Север (как сообщила на полном серьезе Немцова — Сталин ведал, что творит: Север стал бы неприступным бастионом на случай эвакуации вождя, если пришлось бы ему бежать от немцев).

Финал этой истории и радостен, и грустен. Избежав «второго захода», предупрежденная тремя простыми женщинами, среди которых была даже жена начальника местной милиции (дело происходило в Печорах, в ссылке), Зинаида Немцова не стала еще раз испытывать судьбу, уехала, перешла-таки на нелегальное положение, достойное дочери старого подпольщика. Жила в Москве, хотя родные отвернулись, жила в Горьком, работала на кирпичном заводе, в беспаспортной зоне. В тяжелейшем состоянии, повторяя непрерывно: «За что? За что? За что?» — дождалась, как она выражается, «смерти негодая».

Да и в ЦК поехала — хлопотать о пенсии, всего лишь.

На нее взглянула старуха в приемной: «Ты Зина Немцова?»

«Да».

«Измучена ты сильно... Слушай меня внимательно. Вынесено решение ЦК приступить к пересмотру всех репрессий...»

Так началось для нее восстановление имени отца, своего имени, имени брата и матери...

Послала Молотову, она ведь знала его, письмо, попросила поручиться. Ответил: «Материально могу помочь. Послать 50 рублей» (тогда 500). Немцова ответила: «Не нужно».

Я говорю: «Все-таки деньги...»

Отвечает: «Противно было. Я и в КПК ничего за папу не получила, а давали старыми 5 тысяч. Боялась, подумают: хлопочу из-за материальных соображений...»

Ей предложили работать в КПК. Отказалась.

Взяла билет до Ленинграда.

ЭПОХА В ПИСЬМАХ

Беседа с Немцовой появилась в печати, разошелся почти двухмиллионным тиражом номер «Огонька» — пошли письма.

Странно, но они время от времени приходят до сих пор. Кому-то попадаются на глаза странички журнала с портретом старухи: напряженное лицо, с выразительным жестом рук — будто все, что еще надо ей высказать, что так еще рвется с ее губ, задержалось в этом ее взгляде, — не примиримом, категоричном, — и в этом ее жесте человека, не понятого ни собеседником, ни историей.

Письма порою прямо противоположные. Похоже, что восприятие людьми феномена Немцовой (и того, что стоит за этой хрупкой фигурой) отражает и наш размах понимания эпохи, ею, большевиком, напоенной и ею же испитой.

Начнем с писем — «за».

«Прошу передать мое восхищение Зинаидой Николаевной как человеком, коммунистом. В таком возрасте, столько перенесла, сохранила

оптимизм, жизнелюбие, не озлобилась. Спасибо ей за то, что сохранила ясный ум, за то, что дожила до такого времени, когда в журнале, без малого тиражом в 2 млн. экз. на 3-х страницах рассказала о том жестоком времени, не просто очевидцем которого она была. Такие люди помогают нам жить, очень сильный человек Зинаида Немцова. Передайте ей, пожалуйста, мои пожелания в здоровье и долгих годах жизни.

Татарников,
врач, 36 лет».

«Уважаемая Зинаида Николаевна! Я читал Вашу беседу с журналистом Владимиром Готовым. Я преклоняю свою седую голову перед Вами! От души желаю Вам долгих лет жизни!

Пережитое Вами невозможно забыть, но пусть светлое настоящее будет некоторым утешением.

Я нефтяник-газовик, работаю в этой отрасли с 1930 г. по настоящее время в Азербайджане и знал всех нефтяников-коммунистов, которые были репрессированы в 1937—1938 гг. Это были настоящие специалисты-первопроходцы, преданные своему делу.

В упомянутой выше статье-беседе Вы говорили, что в Воркуте было много нефтяников-коммунистов из Азербайджана.

В связи с тем, что я пишу историю газовой промышленности, а она начиналась в Азербайджане, буду Вам очень благодарен, если Вы сообщите мне запомнившиеся фамилии наших нефтяников и их судьбы.

Нариманов А. А., г. Баку».

«Прочла в «Огоньке» о Немцовой Зинаиде Николаевне. Как отратно было узнать, что есть еще те, кто вместе с В. И. Лениным стояли у колыбели нашей Родины и помнят события тех революционных дней.

У меня есть двое знакомых, которым 90. Это простые советские труженики, достойно прожившие свою нелегкую жизнь. Очень интересно их слушать!

Зинаида Николаевна (здоровья ей и личного счастья!) 70 лет в партии и находилась в Центре: Ленинград, Кремль...

Возможно, пересекались пути Зинаиды Николаевны Немцовой и моего деда, участника русско-японской и первой мировой войн. Нет у меня в живых ни родителей, ни бабушки. Спросить не у кого. Вся надежда на Зинаиду Николаевну.

Из материалов архива я узнала: Альмединген Александр Николаевич мужественно защищал свое отечество в русско-японскую войну, был тяжело ранен, награжден, перешел на преподавательскую работу в кадетском корпусе (Лефортово, Москва). Как началась 1 мировая война, написал прошение на высочайшее имя и добился отправки на фронт в чине полковника.

А дальнейшая его судьба по рассказам мамы: вернулся в Петербург и работал до 1919 года в Военкомате по всеобучу. Умер от тифа.

Читаю откровенные слова Зинаиды Николаевны, что ее отец разорвал отношения с собственным братом, когда тот вступил в партию эсеров. А может, и с моим дедом близкие «разорвали отношения»? И придумали версию «тиф»? Где бы узнать? А дальше цитирую Ваши слова: «Это было в 1919-м, меня забрали тогда в ЦК, в комиссию по проверке оставшихся белогвардейских офицеров. И комиссия вынесла **обычное** решение: лагеря» (это о Ступине).

Может, такова судьба и Альмедингена Александра Николаевича, 18.. г. рождения?

Ведь и в «Юности» № 5—88 Л. Разгон писал: «Зиновьев был труслив и жесток... Впрочем, ему было чего (1919 г.) бояться, перед этим он и приехавший в Петроград Сталин приказали **расстрелять** всех офицеров, зарегистрировавшихся, согласно приказу».

Конечно, ни один архив не станет для меня поднимать эти списки офицеров-белогвардейцев. Зинаиде Николаевне не откажут, просмотрев, сказать, есть ли там Альмединген Александр Николаевич, где служил? когда это произошло?

С уважением и надеждой

Наталья Ивановна Виленчик, г. Севастополь».

«Уважаемая Зинаида Николаевна!

С большим интересом прочитала в «Огоньке» Вашу беседу с тов. Вл. Глововым. В этой беседе, как нигде больше, выяснен механизм перерождения, смены курса с ленинского на сталинский и классовый принцип отбора в партию при Сталине: уничтожив ленинскую гвардию, Великий Вождь Народов, оказывается, начал подбирать в партию тех, с кем боролась Революция.

Как Вы говорите: «Это были, как правило, немолодые люди, в прошлом служившие полицейскими, жандармами, много было белогвардейских офицеров».

Если к этому прибавить хлынувшую в партию массу непротиворечно-го мещанства, целью которого было личное благополучие, то «лавины», большинство, на которое опирался Сталин, с полной ясностью встает из Вашей беседы.

А мы вот так всю жизнь и путались, не отличая своих от чужих. Если в пенсне и шляпе, значит чужой, если в сапогах и с трубкой, значит свой. Такие вот примитивные критерии. А в результате оказалось, что Обожжаемый Вождь всего лишь «господин Сталин»...

И эта куриная слепота, видимо, болезнь хроническая, неизлечимая. Нам-то с Вами было прописано крепкое лекарство: следственные тюрьмы, столыпинские вагоны, концентрационные лагеря и в качестве витаминов ежедневно в течение 18 лет, — а кому и пожизненно, — щи из зеленых капустных или свекольных листьев без мяса и жиров (во избежание склероза, чтобы память не потеряли!).

А в сущности: свои — это народ, а чужие те, кто встал над народом хоть на пядь (подобно графам Сан-Донато, вышедшим из крепостных крестьян). И затем эти вспучившиеся над народом (на его хлебах!) начинают с пеной у рта бороться с уравниловкой, подразумевая под ней («про себя», разумеется!) Равенство.

Обеими руками подписываюсь под Вашей коротенькой и энергичной оценкой Вышинского. Сталин называл его дураком. Ах, как он ошибался! Вышинскому хватило ума вовремя переметнуться к большевикам (после того, как он убедился в окончательной победе Ленина) и здесь сделать все возможное — и не мало! — для успеха меньшевистской теории о том, что пролетариату социализма не построить, как ни бейся!

Но у меня к Вам, Зинаида Николаевна, частный вопрос. Мне бы хотелось разобраться в некоторых семейных связях. Вы рассказали о Владимире Ивановиче Полонском. Я его не знала, но мне необходимо знать, тот ли это Полонский, который был вторым мужем Шуры Алексеевой? Вы бывали у них на даче в Серебряном Бору и наверно знаете. И что Вы можете сказать о Шуре? В сборниках воспоминаний о ней пишут: «Умерла в 1941 году». А вот Катя Карманова рассказывала мне, что Шуру забили на Лубянке, точно не знаю, в 1936, 37 или 38 году.

Очень надеюсь на Ваш ответ.

Доброго Вам здоровья и благополучия.

Кл. Генералова, Москва».

«Уважаемые товарищи!

Не будете ли вы так добры передать это письмо замечательному Человеку — Зинаиде Николаевне Немцовой, моей землячке.

Я тоже ленинградка и совсем скоро, по окончании пятилетнего трудового договора здесь, на БАМе (которому я очень, очень благодарна, хотя и признали сейчас нашу магистраль «нерентабельной») — возьму себе билет до Ленинграда.

Всего доброго, с уважением к редакции и авторам публикации (с 1987 года выписываю ваш журнал, молодцы!)

Москаленко Роза Васильевна».

«Уважаемая Зинаида Николаевна!

Наверное, Вам будет много писем сейчас, после опубликования в «Огоньке» этой замечательной статьи — интервью с Вами (и чудесно, что журналисту Владимиру Глову как-то удалось этот материал сделать и «зримым», и «слышимым» — как будто не журнал читаешь, а видеомагнитофон включила, — так ясно представила Ваш страстный рассказ). Ох, как жаль, что нет (пока!) повести (или романа целого) о Вашей судьбе — прекрасной, хоть и страшно трудной. Низкий поклон Вам за веру Вашу в чистоту идеалов, в человеческую справедливость; за непреклонность Вашу!

Мне как-то даже легче стало на душе (сейчас трудный период в судьбе личной), — что живут и будут жить, я уверена, такие негибаемые, умные люди, как Вы... Мое поколение (я с 1934 г.) ужасов репрессий не испытало, — наоборот, сразу после окончания института мы начали работу свою в разряженной обстановке — после XX съезда. Я — ленинградка, отец мой был партийным работником (каким-то чудом избежал ареста, — может быть, потому, что был направлен тогда на работу на Урал, в глубинку); Сергея Мироновича Кирова мы просто обожали, и до сих пор, когда читаю о трагедии, болит сердце. вспыхивает ненависть, а к кому? — не только к «господину Сталину», а и к тем, кто так вот «воспитывал» нас в той школе, институте — в духе «безграничной преданности»... Увы, на нашу долю выпало затем и глубокое разочарование («эпоха застоя»), когда ничего нельзя было решить по справедливости. Сколько помню себя — всю жизнь с кем-то и чем-то борюсь, получаю соответственно от бюрократов и рутинеров; но так вот и не сломалась в Вере своей — в духовность общества, в то, что непременно наступит эпоха гуманная, основанная на разуме и милосердии.

Спасибо Вам за Вашу жизнь и — здоровья Вам на долгие годы!

Москаленко Роза Васильевна — инженер».

Однако читатели не были единодушны.

«Прочитал я в журнале «Огонек» «Билет до Ленинграда»^{*} и глубоко возмущился: почему помещается такой идиотский вымысел?

Поместив эту статью, этим самым глубоко оскорбили, гнусно оклеветали И. В. Сталина.

Подлые клеветники. С возмущением коммунист Сафонов Е. А.»

«Статья о З. Немцовой, которую Вы опубликовали в журнале, взволновала меня. Я не смогла спокойно отнестись к этой лжи. Решила ответить свое мнение. Эта истеричка — продажная тварь, которую натравили как овчарку против И. В. Сталина. Аж из кожи лезет от злости, что победу одержал И. В. Сталин. Он утер им окровавленную пасть, которая пожирала миллионы людей, чтобы задушить Советскую власть. Уничтожить социалистический строй. Эта стая матерых волков вилась около В. И. Ленина и И. В. Сталина. Цель их была убить В. И. Ленина, а затем И. В. Сталина, взять в свои руки власть и вернуть свой буржуазный строй. Враги Советской власти убили И. В. Сталина, а после смерти оклеветали. Власть взяли в свои руки и одурачивали народ. Вели переворот в сторону буржуазии. Мы шли не к коммунизму, а к буржуазии. Факты. Враги раскрыты, но нет правды. Кругом ложь.

Петрова, г. Тюмень».

^{*} Беседа с Немцовой появилась в журнале под таким заголовком.

В конверт была вложена репродукция с известной фотографии: Ленин и Сталин в Горках. На обороте — надпись красным (кровавым?) фломастером: «Броня крепка и танки наши быстры».

Неожиданно в почте откликов оказались письма практически на одну тему. Их авторами владела «одна, но пламенная страсть»: они защищали образ «старого большевика», которого Немцова «незаслуженно облили грязью», изобразила «обывателем с партийным билетом».

Речь шла об эпизоде на даче у В. И. Полонского.

«В 27-м номере журнала «Огонек» за 1988 год опубликован материал В. Глотова «Билет до Ленинграда».

В этой статье есть несколько строк о нашем отце Полонском Владимире Ивановиче, которые в корне искажают суть и быт коммуниста-ленинца.

Хотим сказать истину, чтобы вывести из заблуждения читателей.

Действительно, в течение 10 лет, вплоть до дня ареста отца 11 июня 1937 г. наша семья пользовалась государственной дачей в Серебряном Бору под Москвой. Действительно, все время там находился сторож-инвалид. И ни о каких швейцарах в ливрее, ни о лакеях не могло быть речи в доме человека, большевика с подпольной школой жизни, получающего зарплату-партмаксимум. На даче часто по выходным дням собирались друзья отца, жившие поблизости: А. В. Артюхина, Н. И. Бухарин, Б. Г. Козелев, А. В. Косарев, И. А. Лихачев и другие. Приезжали и друзья по Тобольскому подполью — Н. М. Немцов (отец Зинаиды Немцовой) и К. П. Чудинова. Как правило, гости приходили семьями. И было веселое, шумное застолье, самое настоящее самообслуживание: мужчины накрывали на стол, женщины кухарничали. Вот здесь-то Зинаида Николаевна и запомнила «лакейство».

Мы думаем, читатели поймут, что если бы в нашей семье процветало барство и чванство, то Полонский подвергся бы резкому осуждению и презрению со стороны своих друзей, чего никогда не было!

Для полноты суждения о нашей семье хотим сказать следующее: Полонский Владимир Иванович в 1937 году расстрелян, мать Эсфирь Иосифовна погибла в лагере, мы, их дети, также были арестованы. Вся наша семья реабилитирована.

Просим опубликовать наше письмо, чтобы восстановить истину.

Полонские Лия Владимировна
и Владимир Владимирович.

Пришли письма К. Б. Козелевой и М. И. Дуброва, считающих, что в высказываниях З. Н. Немцовой о быте высокопоставленных большевиков, в частности В. И. Полонского, содержится предвзятость.

«В юности я гостила у В. И. Полонского в июле — августе 1935 года, никаких «лакеев» в доме не было. Была домашняя работница... Я видела, что на даче работал сторож, который выполнял одновременно и функции дворника... Изображать старых большевиков как неких ари-

стократов и печатать непроверенные факты не к лицу журналу «Огонек», который мы все так любим», — пишет Клара Борисовна Козелева.

«Явно неправдоподобно звучат строки, где Полонский изображается обывателем с партийным билетом...» — считает М. И. Дубров, член КПСС с 1924 года.

Редакция с вниманием отнеслась к высказанным замечаниям и обратилась за разъяснением к героине публикации, Зинаиде Николаевне Немцовой.

Не имея возможности написать сама — она почти ослепла, — З. Н. Немцова продиктовала и переправила мне в редакцию свои пояснения.

Вот они:

«Для того, чтобы контролировать и держать в поле своего зрения всех руководящих работников, такие, как Каганович и подобные ему, с благословения Сталина создали целую систему разложения и слежки, состоящую из роскошных дач и квартир, укомплектованных всем: мебелью, посудой, бельем. Кроме того, в этих ведомственных квартирах и дачах содержался целый штат прислуги, горничные, швейцары, повара и т. п. Все они, как правило, состояли на службе госбезопасности.

Поэтому я вполне допускаю, что и Владимир Полонский, впоследствии репрессированный и посмертно реабилитированный, был втянут в эту систему. Он просто обязан был вести такой образ жизни, пользоваться всеми привилегиями, которые соответствовали его служебному положению. В число этих привилегий входила и дача, о которой я упоминала в беседе с журналистом «Огонька».

К сожалению, с тех пор прошло много лет и я просто не могу вспомнить, кто бы мог еще бывать на этой даче, но я могу привести несколько примеров, которые являются яркой иллюстрацией существования этой системы, навязывающей определенный образ жизни.

В 1937 году Петр Смородин был направлен 1-м секретарем обкома в Сталинград. Вернувшись после реабилитации, его жена Елена и дочь Майя в Ленинграде рассказывали нам, реабилитированным, что когда они приехали в Сталинград, им была предоставлена квартира с обстановкой и услугой. У ворот стояли 2 охранника из НКВД, пища доставлялась по специальному заказу. Стирали, убирали определенные для этого люди. Когда Смородины поняли, что это за услуга и для чего она находится в доме, им стало страшно. Ни поговорить нормально, ни с друзьями пообщаться было практически невозможно. Все подслушивалось.

Точно такой же пример, правда, не вдаваясь в подробности с услугой, приводит в своей документальной повести о Хрущеве Аджубей. Нина Петровна Хрущева вспоминает, что когда Хрущева назначили на

Украину вместо Косиора, им тоже была предоставлена полностью обставленная и оснащенная квартира.

Кстати, именно Хрущев приводит или в своем докладе на XX съезде партии, или в закрытом письме к этому съезду, которое читалось в парторганизациях, точную цифру таких работников obsługi, состоящих на службе госбезопасности и впоследствии уволенных из этих органов.

Еще одним проявлением этой системы, кроме роскошных квартир и дач, были и так называемые «спецпакеты». Все министры, их замы, члены коллегий, аппарат ЦК, секретари обкомов, члены бюро обкомов, председатели облисполкомов и т. д. и т. п. вплоть до районных партийных и общественных лидеров, пользовались солидной денежной добавкой к заработной плате, именуемой «спецпакетом». Мне об этом рассказывала З. Гусева, работавшая во времена правления Сталина в журнале «Политическое самообразование». Когда она пришла в кассу получать первую зарплату, то вместе с зарплатой ей выдали и конверт или пакет, в котором была сумма, значительно превышающая ее оклад.

Когда она не поняла, что это такое, и хотела отказаться, то ей сказали, что отказываться нельзя. Более того, с этой суммы не платилось ни партийных, ни профсоюзных взносов.

Все эти примеры подтверждают то, что такая система имела место, поэтому встреча на даче с Полонским реальна».

Как видите — позиция твердая, взгляд определенный, оценки категоричные.

И вновь указание, ссылка на личность большевика, на этот раз — Петра Смородина. Как быть?

Чтобы избежать недоразумения, я разыскал внука Смородина — Дмитрия Николаевича Смородина, научного сотрудника Ленинградского института истории партии. Спросил: так ли? справедливо ли свидетельство Немцовой?

Вот его записка, полученная редакцией.

«Настоящим сообщая о «бытовой обстановке» 30-х годов, в которой жили руководящие партработники.

Моя бабушка, Елена Михайловна Андреева-Смородина, жена 1-го секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) — Смородина Петра Ивановича, неоднократно рассказывала мне, что по приезду в августе 1937 года в Сталинград им был предоставлен отдельный особняк с садом, с обслугой (10—12 человек).

От всего этого дед отказался. Тем не менее, несмотря на его сопротивление, ему навязали обслуживание в количестве 4-х человек.

Смородин Д. Н.».

Были и еще письма и среди них — особого рода. Отнесемся к ним внимательно.

«Постараюсь объяснить, как смогу, почему я села за это письмо. Речь пойдет о публикации «Билет до Ленинграда». Мне попал в руки сборник «Память», изданный в Париже. И там среди прочих интересных материалов (и не очень) я прочитала следующее...»

Далее в письме по памяти излагалось одно сообщение.

Полностью оно выглядит так.

«Кочмес, 1937

Устное сообщение А. О-вой.

В конце 1937 г. на лагпункт в пос. Кочмес прибыла с Воркуты Зинаида Немцова. О том, что ее этапируют к нам, мы узнали еще до ее приезда от урок; урки же предупредили, что она стукачка, работала на Воркуте на оперчекотдел.

В Кочмесе у нас был свой известный стукач — начальник КВЧ Феофилов, на воле учитель-словесник, осужденный по какой-то бытовой статье. Как по должности (КВЧ), так и по званию (стукач) он был в привилегированном положении: легкая работа, отдельная спальная кабинка при КВЧ. В круг его обязанностей входило, например, уничтожение «крамольных» книг в библиотеке. Приходил очередной список «крамоль», и он с помощью дневального-урки устраивал аутодафе.

Немцова считалась медсестрой; осужденная за КРД (контрреволюционную деятельность), она формально не пользовалась льготами, жила в общем бараке. Вообще же она дневала и чуть ли не ночевала в КВЧ. Они быстро спелись с Феофиловым — оба сотрудничали с начальником оперчекотдела Никитиным.

Это было время, когда начались расстрелы — известные кашкетинские расстрелы на Кирпичном Заводе. Немцова и Феофилов составляли списки на расстрел. Однажды и мне довелось увидеть их список, когда я вошла в КВЧ, — но издала, фамилий я не могла разобрать, только хорошо помню, что это был стандартный лист бумаги, на котором шли фамилии в два столбца. Потом этих людей увозили, и большинство из них было расстреляно; уцелело буквально несколько человек — из тысячи с лишком. Из нашего лагеря были увезены и расстреляны: Керим Мензатов, татарин, студент Тимирязевки; Рая Васильева из Ленинграда; Рахиль Яновская (или Янковская) и еще многие, кого я не знала или чьи фамилии теперь не могу вспомнить. Знаю еще, что с Воркуты увезли и расстреляли на Кирпичном кинорежиссера Вознесенского (или Воскресенского). Расстрелял его сам Никитин, лично.

Однажды в Кочмес приехал за списками на расстрел оперуполномоченный, фамилия его, кажется, Канторович. Феофилов сам отдал ему списки, и он остался ночевать в КВЧ, в отдельной запирающейся кабинке. Утром до него не могли достучаться, а когда взломали дверь, увидели, что он застрелился. Говорили, что он оставил записку: «Больше так жить не могу». Портфеля его, в который он положил список, в кабинке

не было. Стали искать портфель — и вскоре сетями выудили его из реки, из-под льда. Список размок, ничего нельзя было прочесть. Но это, конечно, никого не спасло: Феофилов и Немцова составили новый.

Немцова чувствовала себя в это время на верху блаженства, упивалась своей властью над жизнями людей, а может быть, даже искренне торжествовала, что вот она — настоящая коммунистка — и здесь приносит посильную пользу партии. «Кругом контрики, я веду за ними наблюдение по заданию Никитина, — говорила она, не скрываясь; и грозила: — Я вас, контриков, всех прижму».

Между прочим, эта пара стала подкапываться и под начальника лагеря Подлесного. Думаю, что они это делали по указанию Никитина, у которого с Подлесным были личные счеты. Немцова и Феофилов стряпали доносы на Подлесного: что, мол, он слишком гуманно относится к заключенным — врагам народа, допускает непопущенное обращение (не «гражданин начальник», а по имени-отчеству). Подлесный действительно был хороший, мягкий человек. Однажды он «украл» две баржи с продовольствием и одеждой. Баржи шли на Воркуту через Кочмес, и Подлесный сумел задержать их отправку, пока они не вмерзли в реку; тогда он приказал разгрузить их — и одел всех заключенных Кочмеса в бушлаты первого срока. Бывало, что начальник лагеря отправлял заключенных на сенокос без конвоя и, насколько это от него зависело, назначал туда пары — мужчину и женщину, о которых он знал, что у них роман.

Обо всем этом и строчились доносы. Это знали многие заключенные, т. к. Феофилов и Немцова не особенно таились в этом случае. Знал, вероятно, и сам Подлесный. Он постарался избавиться от них. Когда Феофилов освободился, он отправил его на Воркуту с отличной характеристикой — на повышение, в культурно-воспитательный отдел (КВО). Но Немцова и одна не унималась, да и новый начальник КВЧ оказался не лучше прежнего.

Зимой 1938 г. Подлесный поехал в командировку в Усть-Усу; вслед за ним туда же пришло на него «дело». Узнал ли он об этом, предчувствовал ли что — а только взять его не успели: он застрелился.

Недавно, уже в 1977 году, я смотрела по телевизору передачу «От всего сердца». Передача была посвящена, кажется, юбилею ленинградского производственного объединения «Светлана». И вот среди ветеранов «Светланы», на почетных местах, в окружении молодежи, перенимающей эстафету поколений, я увидела бывшего секретаря парткома «Светланы» — знакомому мне по Кочмесу Зинаиду Немцову».

«Кашкетинские расстрелы, — следовала приписка от редакции французского сборника, — одна из наиболее драматических страниц истории ГУЛАГА. О них слышали все, рассказывают многие — и в то же время достоверных сведений о них крайне мало.

Мы почти не знаем имен погибших на Старом Кирпичном Заводе, в печорском лагере уничтожения. Поэтому нам представляется ценным

свидетельство А. О-вой — хотя некоторые его детали имеют, возможно, легендарный характер (например, версия составления расстрельных списков лагерными стукачами, по их собственной воле)»).

Письмо в редакцию «Огонька», где было изложено это сообщение, заканчивается грустным размышлением.

«Если в 1934 году, когда Немцова составляла списки оппозиционеров, она еще не ведала, что творила (по ее же словам из вышеупомянутого очерка), то трудно себе представить, что, пройдя все эти круги ада, повстречав там таких людей, она и потом в Воркуте не знала, для чего она пишет эти доносы на тысячи невинных людей. Не берусь это квалифицировать. Фанатизм — это еще слишком хорошо сказать о ней. Судите сами. Я же, несмотря на обилие информации всех последних лет (а для меня и раньше), личных воспоминаний (хотя я 1929 г. рождения), рассказов моего самого большого и любимого друга — моего отца (который, кстати, никогда не был репрессирован), так вот, несмотря на всё и на прошедшие годы, я не могу забыть, не затерялось в памяти то письмо в парижском сборнике «Память» (господи, такое слово испохабили сегодня).

Я сомневалась, писать ли Вам, прекрасно понимая, как Вы завалены всяким «эпистолярным жанром». Советовалась с друзьями, в том числе и с журналистами. Все сказали — надо, в «Огоньке» все поймут. Сначала я хотела лично поговорить и более подробно, но не дозволилась — и вот написала. С огромным уважением.

Лилия Альбертовна Тейшова, Москва».

Увы, письмо такого рода было не единственным. Не отмахнешься: провокация! происки врагов!

Эту боль, эту тревогу как не понять... Но и доказательств причастности Зинаиды Немцовой к племени «стукачей» — их нет. В истории с Борисом Дьяковым таким доказательством его сотрудничества с органами безопасности послужило его собственное письмо министру Абакумову: оттуда, из лагеря. Смертельный моральный приговор самому себе.

Поверить, что Немцова сотрудничала с теми, кто ее посадил, или хотя бы с теми, кто содержал ее в лагере, — непостижимо!

Я знаю Немцову 20 лет — ум отказывается в подобное верить.

Однако...

Однако есть вещи, которые вне примитивного «осведомительства». Бывает и такое, что совершается из идейных соображений.

Поэтому хотя и поостережемся клеймить Немцову, как примитивную сотрудницу лагерной администрации, — для этого нет оснований ни фактических, ни — насколько я представляю тип этого человека — моральных и психологических, тем не менее обратимся к предмету более

утонченному: борьбе идей, которая на практике превращается в борьбу с носителями «чуждых» идей.

Это письмо в редакцию начиналось словами: «Так ей и надо!»

«— Так ей и надо! — вырвалось у меня тотчас, едва я прочел откровения девяностолетней З. Н. Немцовой, члена партии с 1918 года. — Из-за таких, как она, миллионов фанатичных и слепых большевиков мы семьдесят лет живем не при социализме. Они, оказавшиеся в советских же лагерях фанатики, дотоле проверявшие, исключавшие из партии, загонявшие в камеры, лагеря или расстреливавшие своих же коллег по идее, правильно называли друг друга фашистами, как свидетельствует она сама. Хорош «социализм», если самой революцией начался 35-летний отстрел зачастую ни в чем не повинных миллионов советских граждан, а затем до самого семидесятилетия Октября — преследования инакомыслящих и эпоха «психушек» Брежнева, Андропова, Черненко. Тут на одного Сталина и чем-то не понравившегося З. Н. Немцовой ужасного Кагановича не спишешь семидесятилетие преступлений!

З. Н. Немцовой почему-то далась эта «страшная фигура» Кагановича. А чем лучше Ворошилов, Калинин, Молотов, Маленков, Жданов да и почти все те «враги народа», которые недавно реабилитированы? Да, они не шпионы и не диверсанты. Равным образом, как почему-то не реабилитированные в связи с такими же обвинениями палачи ОГПУ — НКВД — МГБ Г. Ягода, Н. Ежов, Л. Берия. Наверное, из-за все еще низкой правовой компетенции наших юридических органов, прежде всего прокуратуры и суда. Но и тот же Г. Зиновьев, тот же Н. Крыленко, а также сотни и тысячи им аналогичных были палачами прежде, чем стали жертвами. За исключением удивительно малого числа большевиков (группа М. Н. Рютина и, может быть, какие-то другие).

В создании этой системы отстрела и удушения творческой инициативы людей повинны практически все другие высокопоставленные (в том числе сталинисты С. М. Киров и Г. К. Орджоникидзе, над которыми сейчас пытаются воссоздать ореол святости) и средней руки большевики — нетерпимостью, удушением любого инакомыслия, созданием сталинизма в 1920—1930-х годах, а во втором 35-летию Октября — гнили «развитого социализма».

Под видом борьбы за идею и веря в это, фанатичные большевики «составляли списки», согласно признанию З. Н. Немцовой, на большевиков же и небольшевиков, передавая эти списки прямым палачам. Затем и сами оказывались жертвами более удачливых доносчиков — среди ими же репрессированных. Лишь с весны 1985 года предпринимаются попытки выйти из тупика смерти, нащупать что-то, что сможет соответствовать понятию социализм, чтобы пытаться строить его — с народовластием и его защищенными правом плюрализмом, гласностью, социальной справедливостью.

Куль личности и комчанство, типичные для системы, создавались

от первых шагов Октября и живут поныне. Девяностолетняя большевичка свидетельствует:

«— Я присутствовала на съезде, где был Ленин... все вставали. Устраивалась невероятная овация.

— И Сталину захотелось того же?

— Конечно...»

З. Н. Немцову не может и сегодня назвать на «ты» такая же старая, как и она сама, большевичка лишь потому, что стаж последней только с 1924 года, а не от самого страшного года, когда революция переживала тяжелые дни. Будто дальше оказались не еще более тяжелые дни!

Блестящая идея сформулирована на партконференции украинским поэтом Б. И. Олейником — издать БЕЛУЮ КНИГУ О ЧЕРНЫХ ДЕЛАХ, поименно назвав в ней как жертвы беззаконий прошедшего десятилетия, так и их палачей и всех стукачей. И тогда в этом списке ЧЕРНЫХ ДЕЛ окажутся сотни тысяч, если не миллионы сексотов и извергов, включая «страшную фигуру» еще живого Л. М. Кагановича и, кроме уже названных выше, М. Суслов, А. Микоян, Н. Булганин, все создатели репрессивных культов — от простых осведомителей до членов смертоносных троек и Верховных трибуналов...

Думаю я каждый раз, когда мне доводится побывать у Кремлевской стены на Красной площади, обозревая многие могилы этого странного кладбища ПАЛАЧЕЙ И ИХ ЖЕРТВ!..

Генрих Анохин. Москва».

Генрих Иосифович Анохин — старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР, кандидат исторических наук. Домашний адрес, телефон. Никакого страха «обратной связи» — как знак перемен, как гарантия, что и твой собственный судорожный вздох уже неуместен.

К письму было приложено еще несколько листков, приоткрывавших судьбу самого Анохина.

«Военному прокурору СКВО.

Копия: делегату XIX партийной конференции, главному редактору журнала «ОГОНЕК»
В. А. Коротичу.

В начале сентября 1944 года при передаче из бригадного СМЕРШ в СМЕРШ СКВО я был зверски избит СМЕРШовцами (старшим лейтенантом и его тремя помощниками — прикладом и сапогами), с отеком головы доставлен из Новочеркасска в Ростов-на-Дону, возможно, как раз по этому адресу на Буденновском проспекте, 69, куда я сейчас адресуюсь, введен в массовую камеру на втором или третьем этаже, переполненную арестованными советскими солдатами — уроженцами Западной

Украины,— и тотчас же вызван на допрос, который продолжался всю ночь.

Майор Герасимов, видимо, здравствующий поныне, отвел мое объяснение отечности головы — «Наши ребята не делают так!», — передал после допроса капитану Погосяну (Кагасяну?), малограмотному и грубому рукоприкладчику.

Отправленный после сквозного ночного допроса в подвал — в новую камеру, без нар, только голый пол, «камера смертников», как мне сказали четверо ее обитателей, — я не мог прилечь, ибо полагалось либо стоять во весь рост, либо присесть на корточки. А если, измученный сквозным ночным допросом, кто-либо из нас садился, тем более ложился днем на пол, старшина Караханов, прилежно наблюдавший в глазок в двери, тотчас врывается и избивал сапогами и кулаками.

Не получив никаких признаний «в антисоветской деятельности», я вместе еще с одним заключенным СМЕРШа — Сергеем Бондарчуком из Западной Украины — под конвоем был отправлен в спецлагерь 048/5 при шахте «10 лет ЗИ» на поселке Нежданная возле города Шахты. Лишь 5 июня 1945 года я был освобожден практически в состоянии, «негодном к физическому и умственному труду».

Я не знаю, в чем обвинялся, за что перенес эти муки и получил увечья — ходил в инвалидах до 1954 года, затем перестал перекомиссовываться, хотя 44 года волоку крест головных и глазных болей, ощущение сваренности мозга.

23 марта с. г. (1988 — ред.) я рассказал через газету «Известия» в письме «Напоминание из прошлого» как об этой своей судьбе, так и о судьбе моего отца, также причастной к Военной Прокуратуре СКВО.

Поскольку никто из официальных инстанций на письмо не отозвался, я обращаюсь к Вам с двумя заявлениями (см. Приложения № 1 и № 2) и просьбами по возможности обстоятельно ответить мне.

Г. Анохин».

Кроме этого заявления, Генрих Анохин отправил еще документы. Первый — по поводу своего отца.

«Военному Прокурору СКВО

ЗАЯВЛЕНИЕ

Ночью 13 июля 1938 года группой сотрудников НКВД был арестован мой отец АНОХИН Иосиф Афанасьевич (1894 года рождения, уроженец города Ейска) в нашей квартире в городе Таганроге по улице Свердлова, 21. На мои письма в 1938, 1939, 1940 и 1941 годах Военному Прокурору СКВО, знавшему лично отца, К. Е. Ворошилову, а также

генсеку И. В. Сталину лишь в первый год и от первого адресата я получил ответ, что отец осужден на длительный срок без права переписки.

Лишь в ответ на мои послевоенные письма из справки из Военного Трибунала СКВО от 15 января 1957 года за № 2/1415/56 мы узнали, что дело о моем отце «пересмотрено Военным Трибуналом СКВО 8 января 1957 года. Постановление тройки от 26 июля 1938 года в отношении Анохина Иосифа Афанасьевича отменено и дело в силу ст. 4 п. 5 УПК РСФСР за отсутствием состава преступления прекращено — Анохин Иосиф Афанасьевич полностью реабилитирован».

А так как я не знаю ни того, в чем обвинялся мой отец, ни того, как умер и где похоронен он (в свидетельстве о смерти о месте смерти стоит прочерк), прошу сообщить:

1. По чьему доносу (фамилия, имя, отчество) арестован мой отец?
2. В чем и по каким статьям обвинялся мой отец?
3. Кто эта тройка (звания и фамилии, имена и отчества), которая осудила отца?
4. Где и почему завершилась его жизнь?
5. Где мой отец похоронен?

С благодарностью принял бы в дополнение к ответам машинописную копию или ксерокс «дела» на моего отца.

Второе заявление — запрос о себе, о сыне. «Сын за отца не отвечает» — не оттого ли, что, по сталинской логике, у сына достаточно своих грехов, чтобы ответил «за себя»?

«27 августа 1944 года я, тогда АНОХИН Борис Иосифович, комсорг седьмого сверхштатного сержантского батальона 369 ЗСП, расквартированного у завода им. Буденного севернее города Новочеркаска, был взят СМЕРШовцами 26-й ЗСБ, несколькими днями позже в изуродованном состоянии передан в СМЕРШ СКВО, затем содержался в спецлагере 048/4 до 5 июня 1945 года.

Обвинений никаких предъявлено не было.

В моем письме в «Известиях» от 23 марта 1988 года я предположил, что это произошло из-за моего письма И. В. Сталину в защиту репрессированного в 1938 году моего отца.

Прошу сообщить:

1. Почему я был взят СМЕРШовцами, в чем я обвинялся?
2. Где ныне находятся допрашивавшие меня следователи СМЕРША СКВО майор Герасимов, капитан Погосян, а также надзиратель старшина Караханов?

С благодарностью принял бы в дополнение к ответам машинописную копию или ксерокс моего «дела».

Третье заявление Генрих Анохин написал начальнику Астраханского областного управления МВД.

«23 марта 1988 г. я опубликовал в газете «Известия» письмо «Напоминание из прошлого», в котором рассказал об аресте в Таганроге 13 июля 1938 года моего отца и о том, что до сих пор я не знаю, где и когда он похоронен.

Официальных ответов не последовало. А вот среди откликов граждан был и телефонный звонок о том, что мой отец содержался в 1942 — 1944 годах в ГУАС МВД в Харабали в Астраханской области — в некоей команде Крот: «жили в поле возле железнодорожного полустанка. Сейчас там город, сохранилось кладбище». Утверждается, что в 1944 году лагерь в Нариманове посетил Берия, и после этого в Харабали начался отстрел содержащихся там.

Прошу сообщить мне — сыну Иосифа Афанасьевича Анохина, 1894 года рождения, уроженца города Ейска, — о судьбе моего отца:

содержался ли он в Харабали («Управление находилось в Астрахани!»),

отчего и когда умер,

где похоронен.

Чтобы я мог посещать могилу моего отца, безвинно погибшего, по-смертно реабилитированного еще в январе 1957 года».

Через некоторое время на письма Анохина стали приходить ответы.

Оставим в стороне промежуточную переписку. Обратимся к финалу.

Из отдела, который ведал в Астраханской области исправительно-трудовыми учреждениями, пришел ответ:

«На Ваше заявление от 30.7.1988 г. сообщая, что пребывание Вашего отца Анохина Иосифа Афанасьевича в местах лишения свободы Астраханской области не обнаружено.

Проверены материалы о смерти и захоронении осужденных в период с 1938 по 1948 год, среди них Анохина И. А. не обнаружено.

Зам. начальника отдела Б. В. Лисицын»

Хорошо замечали следы исполнители сталинской воли — сделал вывод Г. Анохин, но надежды обнаружить их не потерял.

Ответ Военной прокуратуры Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа был более обстоятелен.

«Сообщаю: архивное уголовное дело в отношении Вашего отца — Анохина И. А. и других (всего 58 человек) нами разыскано. Дело из Управления КГБ СССР по Ростовской области поступило в военную прокуратуру СКВО и нами изучено.

В ходе изучения дела прежде всего исследовались обстоятельства, которые позволили бы ответить на Ваши вопросы.

Вопрос 1: По чьему доносу (фамилия, имя, отчество) арестован мой отец?

Ответ: Согласно справке на арест Анохина И. А. он являлся активным участником контрреволюционной, кулацко-белогвардейской орга-

низации, которая действовала в гор. Таганроге; на Анохина И. А. показали в ходе допросов участники этой же организации Зарубин Иван Трофимович и Полулях (имя и отчество в деле отсутствуют). Арестован Анохин 14 июля 1938 года.

Вопрос 2: В чем и по каким статьям обвинялся мой отец?

Ответ: В обвинительном заключении указывалось: «Завербованный Уральским в организацию, Анохин, работая на фабрике-кухне, в диверсионных целях засыпал мелкое стекло в хлебные сухари, с расчетом пустить это стекло в пищу, чем вызвать недовольство у рабочих; он же подготавливал произвести отравление рабочих в первый день войны.

В деле имеется выписка из протокола № 8 тройки Управления НКВД по Ростовской области от 31 июля 1938 года, согласно которому Анохин И. А. обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации, совершил диверсионный акт, вел вербовку участников в контрреволюционную организацию. Статья Уголовного кодекса РСФСР при этом не указана.

Вопрос 3: Кто эта тройка (звания и фамилии, имена и отчества), которая осудила отца?

Ответ: Из выписки из протокола № 8 тройки Управления НКВД по Ростовской области от 31 июля 1938 года не видно, кто входил в состав этой тройки. Выписка подписана секретарем тройки (ропись неразборчива, фамилия отсутствует) и скреплена круглой гербовой печатью «Народный Комиссариат внутренних дел. Управление НКВД по Ростовской области».

Вопрос 4: Где и почему завершилась его жизнь?

Ответ: Из материалов дела нельзя сделать вывод по этому вопросу, поскольку в деле отсутствуют какие-либо данные о смерти Анохина И. А.

Вместе с тем в деле имеется Ваше письмо от 3 января 1957 года в адрес военного прокурора СКВО. Из содержания этого письма видно, что из Управления КГБ СССР по Ростовской области Вам сообщили о смерти Вашего отца в заключении от склероза 3 августа 1947 года. Других данных по этому вопросу в деле нет.

Вопрос 5: Где мой отец похоронен?

Ответ: Каких-либо данных о месте захоронения Вашего отца — Анохина И. А. в материалах уголовного дела также нет.

Прислать в дополнение к ответам машинописную копию или ксерокс дела на Анохина И. А. и других не представляется возможным, поскольку дело состоит из пяти томов и находится на постоянном хранении в Управлении КГБ СССР по Ростовской области.

Кроме того, сообщаю, что военный трибунал СКВО своим определением от 8 января 1957 года установил, что предъявленное Анохину И. А. и другим обвинение было обосновано только на показаниях друг о друге и никакими другими объективными материалами дела не подтверждено, а поэтому они осуждены необоснованно.

Проверка по Вашему второму заявлению нами продолжается. О результатах проверки мы Вас уведомим дополнительно.

Ст. помощник военного прокурора СКВО В. М. Адаменко».

И, наконец, по поводу самого Г. Анохина старший помощник военного прокурора сообщил:

«...Проверка по Вашему второму заявлению нами продолжается. Разыскана фильтрационная карточка, согласно записям в которой Вы были подвергнуты в 1944—1945 годах фильтрации в спецлагере НКВД в связи с тем, что Вы проживали на временно оккупированной немцами территории.

Из Управления кадров КГБ СССР нами истребованы данные о возможном местонахождении в настоящее время бывших сотрудников Особых отделов соединений СКВО, фамилии которых Вы указали в своем заявлении. О результатах проверки мы Вас уведомим.

Старший помощник ВП СКВО В. М. Адаменко».

И вскоре пришел ответ.

«...военной прокуратурой СКВО закончена проверка по Вашему второму заявлению. Каких-либо материалов, кроме фильтрационной карточки на Ваше имя, в архивах КГБ СССР не сохранилось.

Нами принимались меры к установлению возможного местонахождения в настоящее время бывших сотрудников ОКР «СМЕРШ» СКВО. Установлено, что майор Герасимов Виктор Ефимович в 1944 году проходил службу в ОКР «СМЕРШ» СКВО и в 1945 году откомандирован в Главное управление внутренних войск НКВД СССР. Что-либо о дальнейшей судьбе Герасимова В. Е. узнать не представилось возможным.

Капитан Погосян Александр Авакович, 1907 года рождения, уроженец с. Гамзачиман Кироваканского района Армянской ССР, в 1943 году являлся оперуполномоченным Особого отдела НКВД по обслуживанию одной из частей Северо-Кавказского фронта. Сведений о его службе в 1944 году и о последующем месте жительства не имеется.

Каких-либо данных о старшине Караханове в архивах КГБ СССР нет.

С уважением

Старший помощник ВП СКВО В. М. Адаменко».

Столько хлопот, чтобы убедиться: да, фамилии мерзавцев подлинные, не выдуманы, не бред воспаленного ума.

Однако где эти люди?

Генрих Анохин не теряет надежды их разыскать.

Я не мог не показать Немцовой писем, которые, я понимал, доставят ей неприятные минуты.

Я поехал в Ленинград. Зинаида Николаевна жила теперь на набережной у Финского залива — замерзшее море было под окнами. Голые кусты на пустынном берегу, несколько вагончиков строителей — ни души. У ее корпуса расположилось какое-то училище. Не дом, а революционный крейсер...

В редакцию с обвинением в клевете обратились сын П. П. Семячкина Орэлитос Семячкин, ведущий инженер объединения «Ленинградский Металлический завод», и доцент В. А. Исаев. Подобное обращение поступило и в партком завода. Мы также запросили партком. Нам сообщили: работала комиссия. Вот выдержки из справки, подготовленной ею: материалы «...подтверждают вывод о наличии на Металлическом заводе, особенно в 1931 году, рапортовщины, показухи, о которых сказано в статье «Билет до Ленинграда», опубликованной в журнале «Огонек». «Некоторые выступления П. П. Семячкина носят определенную направленность. Пытаясь уйти от объективного анализа сложившейся ситуации в деле выполнения встречного плана, он порой сводит вопрос к якобы имеющимся на заводе вредительским организациям... на конференции по плану 2-й пятилетки (21.06.31) тов. Семячкин заявил, что «завод начал пятилетку под руководством вредителей...» (ЛПА. Ед. хр. 425а, л. 1). 9 января 1932 г. (на заседании бюро парткома) «...В 1930 г. мы ликвидировали вредительские организации на заводе, но корни их еще остались... партийному активу нужно помнить, что вопрос о вредительстве не снят с повестки дня» (ЛПА. Ф. 19, оп. 1, связка 59, ед. хр. 508)».

Своеобразный образ мыслей, не так ли?

Я прочитал ей и письмо из парижского сборника. Сказал, что знаю ее более 20 лет и ничего подобного не слышал, не допускаю и мысли о чем-то подобном, ни на минуту не усомнился в ней. Но все-таки идет откуда-то эта молва?

Увы, стукачество приписывали очень легко сами заключенные. Стоило кому-то попасть на более легкую работу, на него начинали смотреть подозрительно: каким способом он это заработал?

Даже те люди, которые по веревочке за мною были высланы, не пострадали больше, чем я. Я старалась сделать так, чтобы не оговорить людей.

Иногда мне хочется прекратить отвечать на вопросы журналистов. Мне очень тяжело. В памяти не сохраняются даты, выпадают имена, фамилии. Но мне говорят: ваша обязанность — успеть сказать все, что сохранила память. Поэтому я позволила встретиться с вами, поэтому веду этот разговор. Мне уже угрожали, было письмо, был и звонок по телефону — меня придушат. Ну что же... Придушат так придушат.

Благодаря «Огоньку» только сейчас познакомилась с обвинениями анонимной А. О-вой в парижской «Памяти» от 1979 года. Что сказать на это? С фактической стороны — это нагромождение нелепостей, с поли-

тической — настоящая провокация. Трудно поверить, что человек, прошедший где-то рядом со мной ужасы и унижения сталинского лагеря, не понимает, что значит дополнительно приклеить к одной из жертв репрессий ярлык «стукачки». Думаю, что понимает и делает это сознательно. Во-первых, автора раздражает, что я и в лагере считала себя коммунисткой, строительницей социализма (эти обвинения я слышала и там, от своих палачей), а во-вторых, что и после лагерей и ссылки я не превратилась в антисоветчицу и не просто сидела в президиумах, на почетных местах (это редкий случай, что я попала в таком качестве на телевизионный экран), а работала на заводе, среди рабочих и молодежи и все эти годы говорила правду о сталинизме и пропагандировала ленинское понимание социализма.

Чтобы превратить меня в «стукачку», не нужно было обращаться так далеко (анонимкам в те годы у нас давали «зеленую улицу»). Расчет, очевидно, был на то, что я либо не прочту, либо не доживу, чтобы прочесть «устное сообщение», и клевета сойдет за правду. Даже редакция парижского сборника не верит, что расстрельные списки составлялись лагерными стукачами, что уж говорить о тех, кто мало-мальски знает лагерную жизнь. В лагере главным для меня было не просто выжить, а и не опуститься как коммунисту, не опуститься как женщине. То, что это стоило постоянной борьбы за себя, не стоит и говорить. Свое отрицательное отношение к попыткам троцкистов устраивать демонстрации и забастовки я высказывала открыто, прямо в бараке (что не свойственно осведомителям). И тогда, и сейчас к троцкизму, к его идейной платформе отношусь резко отрицательно. Троцкизм в те годы дал возможность Сталину перемолотить огромное количество народа, в этом я не сомневаюсь.

Но быть осведомителем оперчека было противно моему нутру. Нужно хотя бы немного понять мое тогдашнее умонастроение. Я, как и большинство, верила, что Сталин ничего не знает о репрессиях. От Петра Смородина и от отца (когда я была в лагере, он еще был членом Верховного Суда СССР), еще до ареста, я знала, что органы НКВД были засорены чуждыми элементами, и никакого доверия к ним не испытывала. И уже в процессе т. н. следствия до отправки в лагерь я в этом убедилась. Когда до нас доходили слухи о кашкетинских расстрелах на Кирпичном заводе троцкистов, я относилась это к проявлениям беззакония со стороны органов НКВД, возмущалась этим. Был случай, когда меня пригласили в оперчекотдел. Страшая и запугивая, предложили давать сведения о разговорах среди заключенных. Я категорически отказалась. Сказала, что в мои обязанности это не входит (как медсестра я должна была регулярно лично доставлять сводки начальникам КВЧ, УРЧ, начальнику лагеря о количестве людей, поступивших на лечение и выпивавшихся, стоящих на амбулаторном лечении и т. п., проходя по особому пропуску через все зоны). В результате я тут же была снята с медработы и отправлена на 60 км от Кочмоса в картофельную командировку на общие работы. Учитывая состояние моего здоровья — на верную

смерть. Спас меня в буквальном смысле слова начальник лагеря Подлесный, о котором я тепло вспоминала в интервью в «Огоньке».

Можно ли помыслить такое, чтобы я стряпала доносы на Подлесного, да еще вместе с Теофиловым, как это утверждает аноним? С Подлесным я встречалась не раз, говорила и о мерзком поведении начальника КВЧ Теофилова, склонявшего к сожительству каждую, кто оказывался в поле его зрения. Зная об этих и других «художествах» Теофилова, Подлесный действительно постарался избавиться от него, но даже сейчас я не могу утверждать, что Теофилов составлял списки на расстрел, нет у меня таких фактов. Факты должны быть в архивах НКВД, если они сохранились. Нужно обратиться к ним, чтобы восстановить истину.

Недавно у меня был внук Петра Смородина. Ему удалось найти следственное дело деда. Там, в частности, он обнаружил сведения и о моих показаниях на допросе после ареста: «Ничего, уличающего Смородина в контрреволюционной деятельности, Немцова не сообщила». В этом была моя позиция. Она оставалась такой и в лагере.

Говорить, что все поддерживали Сталина и все в равной степени виноваты?

Нет — не все.

Не шли на открытую борьбу? Да, не шли, потому что систему создали такую, что открытая борьба была просто невозможна.

Только партия могла решить дело.

Хрущеву, увы, не удалось довести дело до конца. И наша тоже вина в том, что мы, когда нас реабилитировали после XX съезда, не разоблачали палачей, не привлекали их к ответственности. Мы оказались ужасными либералами, и я в том числе. Хотя знала тех, кто выступал с клеветой, но промолчала.

Я глубоко верю, что современное руководство доведет перестройку до конца. Однако для этого надо разоблачить весь сталинский ужас. Только так мы сможем восстановить авторитет среди тех, кого я больше всего уважаю: среди рабочего класса. И у нас в стране, и в мире. Мне больно, что рабочие в значительной степени потеряли веру в идею социализма. Чтобы они вновь поверили в нас, надо до конца разоблачить сталинизм.

* * *

Какая грандиозная и трагическая тема: палачи и их жертвы. Но еще трагичнее, когда человек становится жертвой своей собственной доктрины, когда он загоняет свою судьбу, как лошадь, плетью категоричных выводов.

90-летняя Немцова сидит перед работающим телевизором и слушает, жадно ловит слова диктора, она почти не видит, но все трансляции

с XIX партконференции слушала, хотя перед глазами размытые серые пятна на экране, движущиеся тени. Лишь голоса, голоса...

То и дело раздается телефонный звонок — это ее связь с жизнью. Немцова волнуется, покрикивает, возмущается — со стороны это жутковато.

Я ей говорю: «Зинаида Николаевна, может, приляжете, отдохнете».

Она мне: «Ты что, с ума сошел?! Я днем не ложусь... Как ляжешь, так и не встанешь».

Бродит по квартире. Маленькая, согнутая, глаза, почти не видя, сверлят тебя из-под бровей всевидящим партийным оком.

Сама на кухне у плиты, пока дочь на работе. Туда, сюда.

Когда она говорит, на столе пачка папирос и коробок спичек. Она тербит спички, перекатывает в пальцах. У меня какая-то смутная ассоциация с перекатываемыми бревнами на лесоповале, где она была на Воркуте.

Вот она, рядом, олицетворенная трагедия. И эти спички — люди.

Она, конечно, жертва таких, как Сталин, Каганович, Жданов, Молотов — несостоявшийся ее жених, — но и сама, увы, оказывалась в роли вершителя чужих судеб. И потому ее воспоминания — о белогвардейском офицере, отправленном комиссией ЧК в лагерь, комиссией, в которой она участвовала, каким-то образом запомнив — зачем? — человека, судимого без суда. Оказавшись на Воркуте, и сама в роли зека, она встретила его. Она помнит и о домработнице, нанятой в дом к партработникам, из тех женщин, что спасались в городах от голода, и изгнанной лишь за то, что дочку ее, маленькую Майю, она брала с собою в церковь. Куда исчезла та деревенская девушка?

Вопрос не праздный. Заставляющий нас взглянуть на мрачные страницы собственной истории не как на узкогрупповую борьбу за власть, за девшую лезвием бритвы тонкий слой кадров, а как на народную трагедию, где перемалывались десятки миллионов и где печальная российская традиция пополнялась сатанинскими экспериментами сталинщины.

ОПТИМИЗМ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Натан Эйдельман родился в 1930 г. в Москве. Отец журналист, участник войны, в 1950—1954 гг. был репрессирован, мать — учительница, сейчас пенсионер. Окончил исторический факультет МГУ, работал несколько лет в школе учителем, научным сотрудником Московского областного краеведческого музея (г. Истра). Тогда же начал писать. В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию «О тайных корреспонденциях Герцена». С 1969 г. — член СП. Автор полутора десятков книг, около 200 статей и публикаций. Часть книг посвящена Герцену: «Герцен против самодержавия», «Тайные корреспонденты «Полярной звезды» и др.

Некоторые книги посвящены А. С. Пушкину: «Пушкин и декабристы», «Пушкин. 1826—1837 гг.» и др. Несколько работ о декабристах: «Лунин», «Апостол Сергей» и «Большой Жанно». Эпохе Павла I посвящена книга «Грань веков». Автор книги «Последний летописец» (о Карамзине) и ряда работ для школьников.

Сфера научных и литературных интересов — «белые пятна» истории XVIII—XIX веков, механизм власти и внутренней политики России. Некоторые работы переведены на иностранные языки.

В настоящее время работает над книгами о декабристе В. Раевском, о внутренней политике Екатерины.

Таков скупой перечень биографических данных моего нового собеседника. Почему я выбрал его? Да потому, что в 60-е и 70-е годы его книги были для меня неким кодом, знаком, запиской сквозь цензуру, посланием надежды — от Лунина, от Герцена.

Мы все читали Эйдельмана в душное время беспартия слова. Тогда историк, пожелавший найти читателя, мог стать фигурой наиболее современной, способной пронзительно ясно сказать то, что не дано было донести публицисту.

Эйдельман умел это делать блестяще.

Поэтому о времени, в котором сейчас живем, о нашем прошлом — чему оно учит, о связи эпох, наконец, о будущем — я хотел знать точку зрения историка, которому привык доверять.

— Насколько нас подвигает к оптимизму историческое знание? Что нас ждет, если смотреть глазами историка? Возможно ли предсказание «наоборот»?

— То, что происходит сейчас, — раскрепощает прошлое. А раскрепощенное прошлое позволяет как бы «оттуда» раскрепощенно взглянуть на сегодня и завтра. Поразительная вещь!

Ну, скажем, целый ряд разделов истории прошлого сейчас освободился. Начиная с издания Карамзина, нового взгляда на Грозного, Петра Великого, на реформы. Празднование тысячелетия крещения Руси несколько лет назад было бы немыслимо. Что греха таить, всякое крупное событие обратным светом освещает те, которые были. Они освещены, и этот свет вновь падает на наше время. Тут происходит какое-то удивительное взаимодействие того, что было, с тем, что есть и будет.

ПРАВО НА АНАЛОГИЮ

— Да, можно порассуждать — и шутейно, и серьезно.

Если начать с шутки, то вот я недавно был во Франции, и историки повели меня в музей Французской революции. Говорят: «Вот у вас 70 с лишним лет революции, а у нас — 200. Понимаем, революции, конечно, разные, однако... У нас было их несколько. И у вас несколько. Уже сходство — серия революций. Сейчас тоже, — говорил француз, — у вас революционные преобразования».

И настраивал меня на такую аналогию: нам, мол, еще 130 лет идти до юбилея. Франция все же выиграла, живет лучше, свободнее, конечно, не сразу, все было мучительно, после серии революций, вот и у нас так будет: «Пройдет серия революций, и вы будете жить много лучше».

— В этой шутке есть доля истины?

— Дело в том, что у нас до последнего времени историки ужасно боялись аналогий. Даже слишком. Иногда думалось: почему они так выступают против? Ведь Гегель и Маркс разрешали. Известно, что история развивается по спирали. Следующий виток не совпадает с предыдущим, но похож на него. Так что можно сравнивать.

Например, Армия дореволюционная и советская. Если не может быть аналогий, значит, нельзя употреблять слово «армия», потому что сегодня она другая. Государство, классы — это термины для тысячелетий! Уже этим мы признаем право на аналогию.

Пусть осторожную, но такое право, конечно, есть.

Как историк, занимающийся Россией...

— Простите, но откуда проистекает боязнь аналогий? Стремление услужить политической конъюнктуре? Задача охранительная?

— Я думаю, да. Бояться двух вещей. Аналогий и разговоров о несбывшемся варианте: что было бы, если бы... Хотя почему? Нормальная вещь. На Западе, если какой-то президент не проходит, изучают, почему не прошел, — неосуществленную возможность. А тут как бы внедрялась идея, что был только один вариант, что он неповторим и его нельзя сравнивать ни с каким другим.

Чтобы поменьше рассуждали — я только так это могу объяснить.

Вся наука — и марксистская и немарксистская — прибегает, разумеется, умело, осторожно, к методу аналогий. И вдруг выясняется, что это нельзя! Нельзя злоупотреблять? Так ничем нельзя злоупотреблять.

Взгляд из прошлого... Человек живет в своем времени, но нередко смотрит на него из того времени... Часто говорят: наш путь, мы первые пошли, отсюда множество ошибок, поисков. Но не нужно недооценивать, что о возможных ошибках революций и опасных сторонах после-революционного периода люди думали задолго *до того*.

ТЕМА ПРЕДЧУВСТВИЯ

— Вас занимает тема предчувствия?

— Да, занимаюсь ею — в российской общественной мысли и литературе. Говорят: у нас не хватает теории. Как не хватает? Вся русская литература, начиная с Радищева, рассуждала о том, что революция неизбежна. Самые разные люди. И те, кто приветствовал революцию: Радищев, Чернышевский, — и те, кто не очень — допустим, поздний Достоевский — все видели: грядет взрыв. Так жить нельзя. Революция была предсказана многократно.

— Это мы проходили в школе: все русские писатели предсказывали революцию.

— А вот чего мы в школе не проходили — как они относились к революции. Ведь почти все опасались, что в рабской стране после революции будет хуже.

Ну, Радищев... Первый революционер и одновременно — у него после 1790 г. глубочайший кризис мировоззрения. (Об этом спорят.) Когда он увидел террор во Франции, казни, Робеспьера, он перенес ситуацию на Россию: тут тоже может быть так.

— Идут споры между учеными — о причинах его самоубийства.

— Я считаю, что Радищев увидел кровавую сторону французской революции — а Россия была еще более отсталой: вот фон для самоубийства. Куда деваться? Обратно к крепостникам — невозможно. Но и революция страшна. Это не моя мысль, это мысль Е. Г. Плимака. Но мне она кажется верной.

Дальше — Пушкин... Ощущение взрыва. Пушкин изучал его. Пугачев. Медный всадник. Пушкин боялся бунта, бессмысленного и беспощадного.

«Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный».

Беспощадный — понятно. Но почему — бессмысленный?

Вроде бы был смысл в разных революциях других веков.

Лермонтов, который ненавидел режим, но предсказывал трагедию, море крови в черный год взрыва, когда все полетит.

Герцен... Величайший революционер, мы это знаем, но у него целая энциклопедия мыслей насчет того, что нужно как можно больше набрать свободы *до революции*. Я бы сказал, что есть формула Герцена: чем больше страна набрала свободы до революции, тем революция пройдет легче и послереволюционная диктатура будет слабее. Вот Англия! Имела задолго до революции суд присяжных, парламент, хартию вольности. Поэтому, конечно, кое-какая кровь пролилась, королю отрубили голову, но всего 9 лет продолжалась диктатура Кромвеля, и дальше Англия стала «современной».

Во Франции демократии до революции было меньше, и в результате — более кровавая революция и более долгая диктатура Наполеона.

Россия — еще более отсталая. Герцен говорил: ребята, освобождайтесь. Нужно как можно больше внутреннего, личного, духовного, общественного освобождения до революции. Тогда революция будет менее кровавой.

— Не потому ли и поляков призывал к спокойствию в 1863 году?

— Да. Он глубоко им сочувствовал...

— Сочувствовал, но отговаривал...

— Хотя когда они уже начали — он присоединился.

— Я полагал, что Герцен смотрел на польский взрыв чисто прагматически, реалистично. И отговаривал, исходя из малых шансов на побе-

ду: шляхетское восстание не будет поддержано массами. Поэтому обречено. О крови, которой может быть больше или меньше в ходе самой революции, — я об этом не думал. Вернее, я не думал, что об этом думал революционер и принимал это в расчет.

— Герцен ведь и разделял и соединял польское и русское: он понимал, что Польша входит в состав России, что польская революция связана с русской. Но когда ему говорили: к топору зовите Русь — мы хорошо знаем эти слова, но хуже знаем, что отвечал Герцен, — а он говорил: во-первых, не надо звать Русь к топору. Другое дело, если сама поднимется. А звать — это значит мы давим своим авторитетом. Опять несвобода. А во-вторых, если поднимется, то топором можно вырубить, но не построить. Надо понимать, можем ли мы вовремя перехватить рукоятку топора. Остановить его. Что будете потом делать? Нужен не столько топор, сколько метла, говорил он. Нужны строители. Так что Герцен очень боялся бессмысленной крови. Считал, что если даже во Франции, с ее достаточно демократическими институтами, она столь страшно пролилась, то в России и подавно. Он писал, что российскому рабу, когда он будет ломать, может показаться, что он свободный человек и он не заметит, как от его имени будет распоряжаться некий бонапарт во фригийском колпаке.

— Бонапарт во фригийском колпаке?

— То есть революционном колпаке; я считаю, что это был первый образ товарища Сталина в литературе — за много лет до его рождения.

А такой революционер, как Чернышевский, — возьмите его последние работы. Евгений Плимак их очень интересно исследует и считает, что Чернышевский предостерегал от чрезмерных революционных иллюзий. Он говорил о прелестных молодых людях, которые делают революцию, которые прекрасны в день восстания и сразу после него, но ему жалко их на второй день. Потому что там многое будет по-другому, многое изменится — рахметовым придется уйти. У него был термин: начнется «ленивое время».

— Интересный термин.

— Достоевский — «Бесы». Уже ближе к революции — Блок. «Возмездие».

От Радищева до Блока: русская литература чувствует это движение революции — иногда хочет, иногда не хочет, — но предостерегает: осторожнее! Осторожно — опасность многовекового рабства. Меньше крови. Больше свободы «до того».

Я считаю: разобраться в этом — важный был бы урок.

— Сдержанность нашей власти сейчас по отношению к тем, кто противостоит перестройке — управленческому, бюрократическому слою, аппарату (продукту застоя), — попытка мирным путем решить дело: что это? Извлеченные из прошлого уроки? Или тут другие причины?

— Я думаю, и то и другое. Уроки — в том смысле, что метод выруб-

ки бьет и по вырубающему. Кое-чему история учит. Эгоистическая мудрость! Я вообще очень верю в эгоизм — и боюсь чистых идеалистов.

Эгоизм власти. Власть понимает, что ей выгодно действовать минимально кровавыми путями, минимально вырубить. Конечно, какие-то отрицательные явления будут крепче держаться при этом, но если мы вырубим — опять разольется идея насилия, крови. И, несмотря на ближайший эффект, в конечном итоге будет проигрыш.

— Мне кажется, М. С. Горбачев отчетливо проводит сейчас эту идею: не надо образа «врага перестройки». Нам видится в этом половинчатость, нерешительность, а здесь...

— Тут вступает второй момент, который меня весьма интересует. Надо определить характер нашей революции.

РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ

— Откровенно говоря, это революция сверху. Понятно, она стимулирует движение снизу, без которого ничего не выйдет, но все-таки — революция сверху.

— А бывает «революция сверху»?

— Бывает. Это особенность России.

— Да возможно ли такое сочетание: революция сверху? Если «сверху», то почему «революция»?

— Всякое крупное историческое движение имеет два направления: от масс к верхам и сверху — вниз. Даже во Французской революции 1789 года, которая была типичной революцией снизу — массы поднимались, — все-таки видно, какую роль играл Париж, Конвент, движение сверху вниз.

Когда мы говорим о революции сверху, конечно, имеется в виду не сто процентов «сверху», а то, что движение сверху преобладает. Это тема моей большой работы, которая должна, надеюсь, вскоре выйти. Я так и назвал — «Революция сверху в России».

Но этот термин употребляли и Герцен, и другие.

— О чем вы пишете в этой работе?

— Я говорю об особенностях российской истории, идущей из глубины веков: я вижу две существенные особенности российской истории.

Одна — сравнительно малая буржуазность. В былые века отсутствие или недостаток развитого капитализма, буржуазии. Но сейчас даже не об этом разговор.

Вторая особенность: огромная роль государства. Как нигде. И слабость «противовеса» государственной силе. На Западе короли были тоже дай бог: Генрих VIII, например, Людовик XI. Но их мощь отчасти уравновешивалась парламентами, местным самоуправлением, судами.

У нас так сложилось — не будем сейчас лезть в глубокую древность, — что мощнейшее централизованное государство не имело противовесов, как на Западе. Иван Грозный был по характеру примерно равен

Генриху VIII — в том числе каждый имел помногу жен, и причем Генрих VIII расправлялся с ними даже круче, чем Иван IV. Но парламент был, суд был, буржуазия — мешали ему еще сильнее «разгуляться». А Ивану Грозному почти никто не мешал — мешали, конечно, но меньше. То есть соотношение сил было в пользу государства.

А раз так, раз сложилось централизованное государство, то крупнейшие преобразования в стране — и положительные и отрицательные — диктовались действием сверху. Пример — Иван Грозный, на которого Сталин так ориентировался. Резкое закрепощение крестьян и ликвидация всякой демократии, самоуправления на местах, которые в древности были.

Проходят два века. Петр Великий. Кто-то пошутил: «Если бы Петр Великий собирал голоса своих подданных, то за свои реформы собрал бы, может, процента два».

Народ был против. Дворянство: царь действовал в его интересах, но оно в значительной степени его не понимало. Тем не менее, опираясь на какую-то группу активного дворянства, провел огромный переворот — во всех сферах жизни. Сейчас не буду оценивать — там были положительные, отрицательные стороны. Но действительно — Россию вздернули на дыбы, пошло мощное развитие. В общем, это была революция сверху. Очень резкая и противоречивая. Окно в Европу открыл и одновременно крепостное право усилил. Ввел элементы свободы — личная свобода дворянства идет от Петра, — но одновременно действовал палкой, дубинкой, зажимал «демократию».

Я бы сказал: от Петра идет историческая линия и на Сталина, и на Горбачева, если хотите.

И это была революция сверху, Россия изменилась после Петра. Изменилась и разделилась очень сильно.

Верхи, дворянство, государство отделились от низов: парики носили, язык другой, все больше французский.

Иван Грозный, Петр Великий — с их именами связаны крупнейшие перемены. Попытки крупных реформ были у Екатерины, у Александра Первого (Сперанский, например).

— Декабристы — тоже попытка?

— В каком-то смысле да. Казалось бы, революция снизу, но ведь они к народу не обращались. Идея была: взять власть в Петербурге, поставить себя на место старой власти и провести революцию сверху. Потом они, конечно, хотели активизировать народ.

— Не дожидаясь смерти правителя, взять власть, а потом «устроить перестройку»?

— Совершенно точно: перестройку по линии демократии и экономики.

Наконец, крупнейшее событие, которое имеет много с нами аналогий, — это реформы 1860-х годов. Проведенные сверху. Другое дело, что было и сильное течение снизу: боялись крестьянства, Крымская война...

Но в общем-то власть — Александр Второй и ряд прогрессивных деятелей, министров, далеко мыслящих, преодолевая сопротивление крепостников, провели ряд реформ — именно ряд, хотя мы почему-то делаем упор на крестьянской реформе.

Крестьянская реформа — это перемена экономической структуры, земская реформа — это самоуправление, судебная реформа, университетская реформа, реформа печати, военная реформа. То есть реформы в сфере экономики и политики.

— Как их назвать?

— Мы всегда привыкли их ругать.

— Они были недостаточны, да? Реформы могли быть лучше?

— Да, но они могли быть и хуже. Могли крестьянам и не дать земли. Но слабость самодержавия и слабость дворянства в том, что начатые реформы не продолжали. Дали и сразу начали что-то отбирать обратно. Но худо-бедно, все-таки примерно сорок лет эти реформы определяли российскую действительность. И если бы мы могли точно знать, что наши сегодняшние реформы будут на полвека определять нашу жизнь, это было бы прекрасно!

1905 год... Конечно, революция снизу могучая. Ее подавили. Попытка же Столыпина — это попытка реформ сверху. Экономической, политической.

Все это я говорю к тому, что в дореволюционной российской истории мы видим много примеров революционных перемен, начинавшихся сверху. Удачных и неудачных.

Скажем, реформы 1860-х годов, мне кажется, особенно похожи — по витку спирали — на то, что у нас происходит. Их считают неудачными, а мне представляются в общем удачными. Непоследовательными, но удачными.

— А если взять советское время?

— Еще Ленин писал, что в наследство нам досталось могучее государство. Много изменилось, иная стала страна, но роль государства сохранилась. История имеет некую «историческую генетику». Все-таки роль государства осталась. И многие иллюзии, многие элементы массового сознания от прошлого времени: Сталин, например, воспользовался многовековыми царистскими иллюзиями — это несомненно.

1921 год: сверху огромный переворот, первая перестройка — нэп. Затем в 1929—1930 году — сталинская контрреволюция, остановка движения, поворот — и все тоже сверху.

Дальше вторая перестройка — Хрущев. Тоже ведь сверху. Можно говорить о половинчатости, непоследовательности, но это было крупное движение.

Мы говорим: революция. Можно говорить: коренная ломка. Где проходит разница между коренными реформами и революцией, трудно сказать.

Много лет назад в нашей теории появилось положение, что революция может быть и бескровной. Говорилось применительно к Западу о возможности бескровных революций. Кровь не обязательна.

Так что за нынешней революцией сверху огромный исторический опыт. Многовековой. Были удачные моменты: удачный вариант Петра, 1861-го года. В советские годы — нэп. А рядом — попятный, «черный» вариант Сталина, Ивана Грозного.

Я нарочно беру разные исторические моменты, но сходство их в одном — сверху.

— Какой же отсюда следует общий вывод?

— Во-первых, есть повод и для оптимизма, и для пессимизма. Вариант «сверху» не безнадежный. Бывали удачи. Во-вторых, надо подробно разобрать опыт как дореволюционных, так и советских ситуаций. Как все это делалось? Как расширять массовую базу? Каковы методы противодействия? Многое удивительно сходно: я читаю материалы, связанные с реформами 1860-х годов, сопротивлением крепостников. Иногда буквально те же методы, что у сегодняшних консерваторов. Запугивали: будут беспорядки. Радуются ужасно, если где-то вспыхнуло. У нас Карабах — там была Польша. Даже готовы были спровоцировать иногда беспорядки. В Петербурге — знаменитые пожары: вполне возможно, что поджоги, чтобы сказать: вот, смотрите!

Расширять массовую базу, знать противников перестройки. Расширять постепенно — это как спуск с горы. А сочувствующим, населению, интеллигенции не стоит слишком расстраиваться по поводу медленности и извилистости движения.

— По этой аналогии — спуск с горы — по мере движения и приближения к равнине, к массам, скорость увеличивается, нарастает и опасность катастрофы. Не так ли? Санки-то разгоняются.

— Но равнина близко.

— И тем не менее выход на равнину — скажем, встречу с массами — наиболее ответственная и тревожная ситуация.

— Я с вами согласен. Другое дело, что в XIX веке Александр II вовсе не шел к массам, для него массами было прежде всего дворянство. Сегодня у нас под массами понимаются более широкие слои.

Вы затронули важную вещь: у нас есть идеализация масс. Мы всегда учили в истории, что массы, все понимающие и тому подобное, — движущая сила истории и т. д.

Даже Герцен, великий демократ, даже он говорил, что есть ситуация, когда власть лучше общества. Может быть, в каком-то смысле можно говорить об этом и сегодня. Во время революции сверху широкие круги зачастую более консервативны, чем верхи.

— То есть масса может быть более отсталой, чем руководство?

— Да. Но тут у руководства два пути. Либо слиться с массой, пойти у нее на поводу, либо топнуть ногой, приказать — и масса пойдет, куда надо. Но это тоже дурно.

— Чему здесь учит история?

— Опять вспомним Герцена, я его очень люблю. Он говорил: «Надо быть на шаг впереди своего хора, но никогда не на два шага».

На два шага — значит, хор тебя не слышит и не поймет, а вот на шаг впереди — то, что надо.

Я смотрю со стороны, как простой зритель, но одновременно с некоторым историческим опытом. И вижу: происходит переход от пассивно управляемых масс к активно управляемым массам.

Даже в период самого мощного подъема эпохи Хрущева все-таки — единогласие, все «за». Не рассуждали. Прежние наши руководители боялись масс. Сталин, даже Хрущев, тем более Брежнев... Массы — выглядит ли она как народ или Верховный Совет — должна механически штамповать.

Сейчас создалась ситуация, когда люди рассуждают.

Но это не означает некоей полной свободы. И, кстати, осмелюсь сказать такую жесткую фразу: хорошо, что не означает.

Вдруг выясняется: есть огромный резерв в активизации людей. Разумеется, постепенный, потому что иначе мы будем похожи на человека, который объелся после долгой голодовки.

Управляемая, активная масса. Подход вырабатывается, у нас ведь не было такого опыта. Что было: либо подавление, либо единогласие!

БУНТ, НАПОЛНЕННЫЙ СМЫСЛОМ

— Раз уж мы заговорили о таких проблемах, то какие вы видите здесь аналогии?

— Я бы сказал, не аналогии, а вообще опыт.

— Можно ли считать конфликт в Нагорном Карабахе национальным? Есть точка зрения — я в какой-то степени ее разделяю, — что на поверхности он носит национальный характер, но внутреннее его содержание иное: борьба против феодальных принципов управления, подавления личности, против способов создания теневого, коррумпированного управления. Карабах, как говорится, попал под колеса.

— Я с вами согласен. Каждый пятый человек в Советском Союзе живет не в республике своей национальности. Но не везде же возникает такие движения, а очевидно, там, где ситуация обострена.

— Ну вот в Польше в прошлом веке это было национальное движение?

— Всегда есть национальная оболочка, и всегда, как правило, есть социальная, демократическая сущность.

В Польше прошлого века — прежде всего, конечно, национально-государственный, религиозный момент.

Возьмите Венгрию — острые события 1956 года. А после этого в течение трех десятилетий спокойствие: были решены многие социальные вопросы. Это не означает, конечно, что там все сегодня гарантировано, тем более что есть трудности в экономике; но тем не менее были блистательные успехи.

Конечно, в Польше прежде всего был упадок, социальный, экономический, который удивительно совпадает с национальными проблемами.

— Вы имеете в виду Польшу сегодняшнюю?

— Да. Но и тогдашнюю. Конечно, сравнивать трудно, та Польша входила в состав империи. Но есть все-таки уроки прошлого.

— Какие?

— Периоды прямого зажима, ограничения давали взрыв. Наступал период уступок. Так было в Польше после 1863 года. После восстания.

— Какие уступки?

— Польские, литовские, белорусские крестьяне получили сразу такие уступки, которых российские крестьяне в 1861 году не получили. Тем самым было вырвано оружие у шляхты.

Тогдашняя русская администрация действовала лихо.

Но тут еще один момент любопытен. Формула Герцена: мы с Польшей, потому что мы за Россию. Это *нам* нужно. Не то что мы «идем на уступку другим народам». Нет, это *нам* нужно. Их свобода освобождает и нас. Благотворно действует на нас. Об этом говорит огромный опыт XIX века.

— Можно вспомнить: «Нельзя быть свободным народом, угнетая другие народы...»

— Ну да. Это Маркс говорил. И у Герцена — «Мы с Польшей, потому что мы за Россию» — по-другому сказанное, но то же самое.

Я выскажу мысль, что те движения, мощные движения, которые были в начале восьмидесятых — «Солидарность» и прочее (я оставляю в стороне сейчас перегибы экстремизма — не будем углубляться), — лишь скажу, что все это, безусловно, повлияло на нас. Будущий историк это докажет. Более того, я уверен, что многие мыслящие люди в начале восьмидесятых, когда были волнения в Польше, думали о нашем будущем, осмысливали получаемые уроки.

— Мы всегда говорим, что Россия влияла на Польшу.

— Да, но было и обратное.

— Для меня были полной неожиданностью выступления рабочих в Польше. Можно было ожидать чего угодно. Мы привыкли в мире к студенческим движениям, национальным выступлениям, офицерским революциям. А в Польше — мощное движение рабочего класса, о котором в наших интеллигентских беседах о «движущих силах» мы порой забывали.

— Тут о теории надо думать и думать. Считалось, что время чистых народных движений прошло. При нынешних государствах, при современной системе контроля и подавления это все будто бы не работает. Невозможно. Меж тем за последние годы я вижу два чисто народных движения. Хотя и противоположных. И тем не менее их противоположность, возможно, говорит о какой-то общей черте. Два исторических факта, когда народ, действуя снизу, оказывался гигантской силой,

против которой все современные средства бессильны. Я имею в виду Польшу и Иран.

Иранская революция консервативна, мы видим ее черные стороны. Но надо признать — огромная роль народа.

— А разве армянское движение в этом смысле — по массовости, по включенности в него огромных толп народа — не в этом ли ряду?

— Национальные и религиозные моменты могут играть роль колоссальных катализаторов, двигателей. Мы это недооценивали.

— А в Польше 80-го года, с вашей точки зрения, была и национальная окраска?

— Начали рабочие. Сыграла немалую роль интеллигенция. Крестьянство вело себя сравнительно спокойно. Интеллигенция, служащие, горожане — вот движущие силы. В Иране ситуация иная. Но и там шах, обладая американской техникой, электроникой, ничего не мог сделать. Поднялась дикая, огромная сила.

Вот это новое.

А мы долго твердили: прошла эпоха, когда брали Бастилию. Сейчас, мол, не возьмешь.

— Чему же учит время? И может ли чему-то научить нас, где иная ситуация: движение сверху?

— Учит тому, что у масс есть колоссальные резервы. Понимаю, что массы не просто объект воздействия, — в этом я вижу исторический урок этих движений.

— Итак, с одной стороны, революции сверху. У нас в России есть немалый в этом опыт. С другой стороны, современный мир демонстрирует как бы забытые, как будто оставшиеся в прошлом массовые революционные движения, казавшиеся несовместимыми с современной цивилизацией. И вдруг так забурило, так охватило массы людей общей целью — нет, такое казалось нереальным. Огромная энергия собирается, как грозовая туча, и может разразиться молнией, взрывом.

— Или бескровным вариантом — как в Польше.

— Что же отсюда следует? Чего мы хотим избежать, а что стимулировать? Хотим революций сверху? Мы что же, больше не зовем массы на баррикады?

— Вы хорошо сказали: зовем! Зовем, это значит, инициатива все-таки наша. А ведь бывает и звать не надо. Я думаю, есть два варианта, и история учит этому. Один — массовое движение, охватывающее огромную страну. Оставим Польшу и Иран, вернемся в Россию. Вспомните бунты. Пугачевский бунт, охвативший полстраны. Разинская крестьянская война. Или религиозное движение раскольников. Миллионы людей уходили в Сибирь, терпели муки, сжигали себя.

Были движения, которые отрицали режим и составляли крайнюю опасность для государства в любое время. Причем они, как показывает практика, особенно могучи там, где сильны патриархальные, религиозные настроения. Эти движения связаны и с развитием, и с отсталостью, если угодно. По-видимому, таких движений всегда боялись у нас.

В этом одна из причин, почему Сталин, Брежнев и даже Хрущев всегда старались ограничивать массовость.

— Так все-таки чего хотим? Революций сверху? Хотим зажать массы? Чему учит, как говорится, опыт проклятого царизма?

— Царизм здорово использовал народные массы. Кто Наполеона разбил? Действительно народная война. Сибирь кто освоил? Народ. Гигантская активность российского народа, неприхотливость. Та власть, старинная, очень боялась, что эта активность приведет к воле. Так и было — казаки! Или Пугачев. На том уровне та власть, инстинктом своим нашла канал, по которому можно было направить как бы в бетонированные берега этот поток, и он работал на них. Народ, который все мог, в итоге погружался в закабаление.

— Каким образом?

— Скажем, в 1612 году Минин и Пожарский освободили Москву — царя не было! Тут же выбрали царскую династию. Никто же не просил демократии, освобождения крепостных: наоборот, через 30 лет крепостное право окончательно оформилось. Сказалось отсутствие сознательности, отсутствие лидера в виде буржуазии.

Все говорили о качествах русского солдата. Суворов, например, Петр Великий. Но ведь это не просто исполнительность — активность. Суворов на активного солдата опирался. Предполагалось, что этот солдат против режима не пойдет. И мы знаем, что декабристы смогли вывести солдат на площадь только под лозунгом «Да здравствует царь Константин!».

Резюмирую: старая власть использовала огромную энергию масс в своих интересах.

— Во времена Сталина огромная энергия масс использовалась с не меньшим успехом.

— Да, можно провести прямую аналогию. Войну выиграли. Энергия огромного размаха и одновременно недостаточность демократического сознания.

Трагедия людей: сражались за свое дело, не думая о критике, не противопоставляя себя тираническому руководству.

Но тем не менее власть, Сталин и не только он очень боялись, что массы всерьез проснутся. Поэтому всячески держали массы в большом повиновении, и все средства информации, агитации, запугивания были направлены на то, чтобы люди не рассуждали. Нигде. Ни в местных Советах, ни в Верховном.

Массы рассматривались как гигантская исполнительная сила.

— Считали так: либо исполнительная сила, либо Польша, Иран?

— Но есть и третий вариант. В этом открытие Горбачева. Оно состоит в том, что возможна направленная активизация масс. Есть середина между крайностями сталинскими и, скажем, иранскими. Есть середина. Это активизация масс, объединенных идеей, скажем, собственного благосостояния.

Нынешнее руководство считает возможным увеличить активность масс, чего предыдущее боялось.

Власть у нас сейчас революционная, ей противостоит консервативная часть аппарата. Как справиться с ней?

Путем смещения, изменения структур, но этого мало.

Нужна некая сила снизу. Взять аппарат в клещи между активной верховной властью и сравнительно активной массой.

— Это советы трудовых коллективов, многовариантность выборов, кооперация?

— Да. И еще народный фронт, творческие союзы. Разные формы. Вспомните и китайский опыт. Там была активизирована масса, но активизирована до известного предела: «на длинном поводке». Однако аппарат в Китае испугался этой массы.

Я думаю, сейчас делаются шаги в сторону активизации масс, но не бездумно. У нас не принято об этом говорить, но речь идет о том, что резервы масс не исчерпаны. Хотя вообще-то власть должна бояться стихийности, но ничего пока страшного. Это будет полезно для борьбы с аппаратом. Я так понимаю.

— В этом плане объединение в одном лице партийного и советского лидера наполняется определенным смыслом. Соединение активной управляемой массы и одновременно подконтрольность аппарату, центральной власти.

— Это поиск, как уйти от сталинско-брежневской пассивности масс и одновременно отрицание полной бесконтрольности. Это и есть революция сверху, которая стремится активизировать массы, тем самым создавая себе фундамент.

Власть организует революцию, поощряет движение снизу, но до известных пределов. Не в анархическом смысле. Потому что массы, с одной стороны, против аппарата, против бюрократизма, чтобы лучше жить, а с другой стороны — видите, конференция показывает, столько предрассудков, неизжитого рабства, нужно определенное воспитание.

— У нас структура все-таки другая.

— У нас даже массы организуются сверху. Как не вспомнить русского журналиста, который в XIX веке писал: «Мы такая страна? Петр Великий приказал нам быть просвещенными, мы просветились. Прикажут быть свободными, мы освободимся».

— Замечательно!

— Но в общем-то гигантская скрытая энергия масс. Настолько гигантская, что чересчур быстро выпускать ее нельзя — будет взрыв.

— Снова возвращаемся к формуле Пушкина: «Бунт бессмысленный и беспощадный»? А если бунт наполнить смыслом?

— Речь идет об этом: народный бунт наполнить смыслом.

— «Культурная революция» в Китае?

— Это вариант нашего 37-го года. У нас в 37-м не приказывали народу врываться в дом Бухарина, но приказывали, чтобы народ голосовал.

Все-таки Сталин боялся прямо напускать народ на руководство. Чем черт не шутит! Китайцы не испугались.

Опыт любопытный. Его надо не повторять (упаси боже!), но изучать.

— Вообще что такое опыт? Как его вообще можно заимствовать?

— Вот мы говорим «польский опыт». Мне удалось побывать в Италии и во Франции. Италию и Францию невозможно понять за короткий срок. Но можно что-то у нас понять «через них».

Есть опыт русской литературы, русской истории. Опыт французской революции, опыт Китая, Польши, Ирана. Есть опыт просто стран другого типа развития, который говорит нам о том, что мы упустили.

— И все-таки вы наблюдаете в истории использование чужого опыта, или же это прекраснотдушная идея?

— Буквально — нет. Обычно лидер исходит из своего опыта, но все-таки ему важно, что происходит у соседей. Говорят, что сейчас впервые за тысячу лет интеллигенция идет вместе с властью. Нет, это не так.

Потому что в русской и советской истории были периоды, когда интеллигенция шла с властью. Петр, дворянская интеллигенция, Екатерина, Александр — интеллигенция шла с властью, отсюда были огромные победы.

В советское время в определенные годы было так же. Но — что правда, то правда — в последние десятилетия курс брался «на жлоба». Активный интеллигент изымался из процесса.

ЛИШНИЕ ЛЮДИ

— В русской истории тогда был успех, когда активно действовала интеллигенция. Этому учит наш опыт.

Гигантские победы XVIII, начала XIX веков — до войны с Наполеоном включительно: русский солдат хорош, техника — примерно как на Западе, но этого мало, молодые дворяне-офицеры — вот была гигантская сила! Деды и отцы будущих декабристов и сами декабристы в молодости — они хорошо дрались, это была сознательная дворянская интеллигенция, которая обеспечивала все победы тех десятилетий.

После 1825 года этих людей повышибали, появились «лишние люди».

Вообще любопытное явление: в XVIII веке не было «лишних людей». При Николае Первом и при Брежневе они налицо.

Раньше онегины, печорины брали Исмаил, а теперь — все больше в деревне, не служат, уходят в отставку. И на их место приходят люди худшие, иногда субъективно честные, но не столь инициативные, активные. И вот в результате — Крымская война, стыдное поражение. Говорят, не было парового флота, не было нарезного оружия — почему не было? Где были инженеры? Техническая отсталость была следствием человеческой.

Были талантливые офицеры, генералы, адмиралы — Корнилов, Нахимов; но один на сто. В 1812 году было легче, там было полно таких, но их пуще всех повышибали.

Одна из главных причин поражения в Крымской войне — отсталость, проявившаяся и в том, что интеллигенция и власть разошлись.

— А в наш «период застоя»? Тоже массы, в том числе интеллигенция, с властью разошлись?

— Несомненно. И опять же урок истории. Оценивая время Великой Отечественной войны, кстати, у нас как-то все больше упор делается на величие солдата и маршала, а вот интеллигент, лейтенант, скромный человек, выпускник вуза и школы — какую он роль играл. Когда-нибудь это будет изучено: роль интеллигенции на войне. Такой темы не было.

— Почему не было?

— Из-за общей недооценки интеллигенции.

Даже Хрущев, который опирался на интеллигенцию, имел сильный антиинтеллигентский комплекс.

Так вот я был в Италии: гигантские перемены, из отсталой страны после войны стала одной из самых развитых в мире. В основном это результат мощных усилий интеллигенции. Делали рабочий класс, народ, но план переустройства Италии был создан и заложен мощным союзом экономистов, социологов, мыслителей, инженеров. Не только в Италии, во многих странах Запада. Эти люди точно определили курс развития, они провозгласили пусть буржуазную по движущим силам, но структурную революцию; в то время как у нас явная недооценка интеллигенции: лысенковские дела, космополитизм, преследование кибернетики, биологов. Интеллигенция была подозрительной. Факт, отмечаемый везде, — повышение ценности мозгов в условиях второй промышленной революции — у нас как бы не существовал. Одна за одной сталинские кампании, хрущевская недооценка, брежневская недооценка. Мы теряем десятилетия, усилия массы людей уходят в песок. Создается внутренняя эмиграция. Лишние люди.

Я думаю, мы можем четко обозначить понятие «лишних людей».

Я даже нашел формулу. Ведь Сахарову было предложено «вернуться к активной научной деятельности». Стало быть, с точки зрения официальной до того не было активности, была пассивность: Сахарова сделали «лишним человеком».

— Он современный аналог «лишнего человека», оказавшегося не у дел, отправленного «в деревню»?

— Он еще выдающийся человек, сумевший свою ссылку использовать для взлета духа, для борьбы, а сколько просто инженеров, рабочих, активистов с нереализованной активностью. Отсюда уход в мистику, в религиозность, в пьянство, в распад семьи, собирательство, накопительство, в усталость, ранние смерти.

Словом, отвечая на ваш вопрос: делаются ли выводы из опыта других стран? — скажу: Горбачев и другие руководители нашей партии ак-

тивно включают интеллигенцию. Видят, что это активная сила. Но я думаю, что не оттого на нее обращают внимание, что там где-то в Италии хорошо получилось (хотя имеют и это в виду). Интеллигенция — активнейшая сфера перестройки.

Интеллигенция — часть массы, это ее активная часть. Такая тривиальная вещь, но приходится напоминать.

Интеллигенция может задать стиль, определить тон всего народного сознания, окраску.

Чего стоит, скажем, тема дискуссий. Сейчас везде идут бешеные дискуссии; говорят, что мы не умеем дискутировать, делаем это неинтеллигентно, переходим на личности.

Где та необходимая грань, когда нужно и резко ударить и одновременно сохранить достоинство? Важнейший момент. И вырабатывает его интеллигенция.

Во Франции, когда зашел разговор о том, что многие наши дискуссии переходят на личности, — возражали, что, с другой стороны, не должно впасть и в умильное всепрощение.

— А как раньше дискутировали?

— Стычки между западниками и славянофилами были частые. Бывали, конечно, и личные моменты, но в целом дискуссия проходила на высоком уровне. И многие сохранили друг к другу уважительное отношение.

Герцен говорил, что, когда он смотрит в глаза Ивану Васильевичу Киреевскому, он думает: Иван Васильевич может говорить все что угодно, он чист, даже когда ошибается, чист и душевно и духовно.

И вот, анализируя те споры, приходишь к выводу, что условием подлинного спора при самых противоположных воззрениях является присутствие среди спорящих максимума порядочных людей.

Западники при всех их различиях и недостатках, скажем, Герцен, Белинский, Чичерин, Тургенев, Кавелин, были порядочные люди. Им тоже противостояли глубоко порядочные люди с очень острым этическим, религиозным сознанием: Хомяков, Киреевский, Аксаковы. Невозможен спор между мерзавцами. Нередко проблема выше спора. Если спор не получается, надо посмотреть на самих себя.

Западники и славянофилы друг друга не убедили, но результатом спора явилась масса прекрасных произведений — философских, литературных, где рассматривалась судьба России. В этом смысле дискуссия была плодотворной.

— Можно, значит, говорить и о теме порядочности в истории русской литературы... А наши нынешние литературные споры. Как они вам? По душе?

— У меня есть свои симпатии, пристрастия, свои антипатии. Вот у меня в одной аудитории спросили, как я отношусь к публицистике Бондарева.

Я сказал, что отношусь плохо. В этой аудитории есть люди, которые относятся как раз хорошо, и я не хочу убеждать: кому что нра-

вится. Но есть ли общий критерий? Я считаю — есть: мне нравится диалог, кажется, в английском парламенте, когда один депутат, услышав речь своего противника, сказал: «То, что вы говорите, мне отвратительно, но я жизнь отдам за то, чтобы вы имели право это говорить».

Так вот, когда Бондарев убеждает, что идет некая мафия, разгром, 37-й год и так далее, что имеются люди, которые насильно препятствуют ему и его коллегам выразить свое кредо, то мы ведь знаем тех, о ком он говорит: эти люди, резко выступая и полемизируя, стоят за свободу, в том числе за то, чтобы Бондарев и другие могли высказаться. За их право на это. А весь смысл выступлений Бондарева — закопать их идеи, замуровать, отправить в крематорий.

Вот важнейший критерий: как ты относишься к праву противника или оппонента на высказывание.

Мне нравится формула французской декларации прав человека и гражданина: каждый человек имеет право на все, ограниченное только одним — правом любого другого человека на то же самое.

Обе стороны почти всегда переходят на личности, но тональность тех, кто выступает в «Знамени», «Новом мире», «Огоньке», — дать право всем высказываться. Пусть говорят. С другой же стороны прямо звучат угрозы, доносы, намеки на литературный Сталинград... Это уже тема для пулеметной очереди, а не для разговора.

Другими словами, разговор переводится в плоскость подавления. А не в плоскость дискуссии.

В спорах западников и славянофилов в XIX веке человек кончался, прекращал свое существование в общественном сознании, если он апеллировал к необходимости власть употребить, прикрыть, пресечь, посадить. Его переставали считать за человека.

Право на дискуссию считалось первой заповедью.

— Вышнее и непререкаемое право?

— Да Это один из российских уроков. Много уроков из прошлого. О роли интеллигенции, о типе споров. Я вообще стою за то, чтобы были работы о типе русского интеллигента. Нет таких работ. Мы слишком сосредоточены на революционерах и их противниках.

А вот тип земского врача. Подвижника, спокойного интеллигента, имеющего ясные идеалы. Вспомнилось недавнее изречение одного одессита: «Вы все, ребята, знаете, что плохо. А что хорошо?»

ИЗ ПРОШЛОГО — В БУДУЩЕЕ

— В истории есть огромнейший резервуар для сегодняшнего сознания. Даже ошибки, даже недомолвки в истории — все полезно.

Так что я считаю, сейчас история просто оживает.

— А я слышал как раз иную точку зрения: в условиях колоссального интереса к современности для людей вашего жанра нет работы, нет поля деятельности. Мол, кто сейчас пойдет в историки? Кому нужны исторические аналогии, когда все живут открытым сегодняшним словом. Прошло, мол, после 1985 года время вашего творчества, и вы, как писатель Эйдельман, должны кончиться.

— Очень интересно. Один мой знакомый мальчик готовится поступать на исторический факультет, я спрашиваю его: чем будешь заниматься? Отвечает: если продлится перестройка — займусь советским периодом, а если нет, уйду в Древнюю Русь.

Я с вами согласен в одном: нам надо перестраиваться, писать, расширяя рамки, чтобы сказать больше. Мне казалось, что в своих старых книжках я сохранил сверхзадачу: быть современным. Но сегодня эта сверхзадача недостаточна.

Занимаясь XVIII—XIX веками, я все время — и прежде это было, но сегодня больше — гляжу в век XX и даже XXI. Вот у меня сейчас герой декабрист Раевский, я давно о нем пишу. Как я могу пройти мимо воспоминаний его потомка Жигулина? Я должен сопоставить поколения, и сразу возникает некая тема.

Другая работа — правление Екатерины Второй. Я вижу сверхзадачу, иначе мне было бы неинтересно писать. Проблема интеллигенции и власти, проблема народа — Пугачев. Вопрос об управляемом и неуправляемом народе.

Изучая все это, нужно как-то иначе, глубже ставить сверхзадачу, тогда история будет еще интересней.

— Должен ли я так понять, что сверхзадача состоит в том, что историк не удовлетворен современностью, она не вызывает у него полного восторга и он уже сейчас, живя сегодняшним днем, рассматривает ее как исторический шаг и заглядывает в завтрашний день.

— Для него сегодняшний день — элемент в длинной цепи событий. Он смотрит на эту цепь и пытается ее продлить в будущее.

— Публицист целиком в сегодняшнем дне, решает его задачи.

— У глубокого публициста всегда есть исторический план, он всегда видит вещь в перспективе. Понимаете, когда я начинаю думать о разных вариантах исторического развития, деспотическом, демократическом, палочном, административном вариантах, о сочетании их в истории, — естественно, приходят мысли о возможности подобного в конце XX, в XXI веке.

— Может быть, вам современность уже неинтересна?

— Интересна — как экспериментальное поле.

— До 1985 года ваши произведения, обращенные назад, призывали сегодняшний день. Вот этот наш день. А будущие ваши произведения — не должны ли они призывать наш завтрашний день?

— Но ведь я говорил о внутреннем освобождении — Лунин, Герцен, — а это уровень, о котором мы и сегодня мечтаем; я из прошлого пытался заскочить подальше... Когда мне говорят: у нас настоящее время, я поправляю: у нас продленное прошедшее. Есть даже такое грамматическое время в некоторых языках.

Ясно, что все продолжается: национальный характер, экономика, политика, история, деспотизм — все меняется и одновременно все сохраняется. Есть какая-то генетика, что ли, историческая, если угодно.

В каждом из нас. Язык. Одежда, техника, сознание. Мы не можем не думать, сколько в нас вложено поколениями.

Если мы определим закономерность в двадцати поколениях, то вероятность предсказания на 21-е поколение будет достаточно высокой, хотя я осторожно отношусь к предсказаниям; точные предсказания могут быть в астрономии или в физике, а в истории есть альтернативы.

— Вы заговорили о том, о чем я хотел вас спросить. О вашем отношении к футурологии, к такому писателю, как Лем, к его футурологическим работам. Помните написанную в 60-е годы «Сумму технологии»? Согласитесь ли вы с тем, что подлинный футуролог — обязательно историк?

— Да, конечно. Я к футурологии отношусь одновременно и уважительно, и сдержанно. То есть нужно ею заниматься, но тут опять уместна мысль Герцена, что критерием серьезности теории является известная несерьезность ее автора по отношению к своим выводам.

Футуролог должен иметь определенное чувство юмора и понимать относительность своих возможностей. История столь многовариантна, что предсказания здесь очень часто имеют характер кликушеский.

Человек объявляет о том, что он видит впереди, а история за первым забором идет не туда: есть варианты!

Что применяет футуролог? Метод аналогий. Метод повторения по спирали. Я и сам его применяю. Но, конечно, здесь нужна крайняя осторожность.

У любого человека есть какие-то соображения, что будет через 20—50—100 лет; есть они и у меня, хотя уж очень это трудно, потому что опыт фантастических романов показывает: мы продлеваем то, что есть.

И даже когда нарочито, как у Лема, предполагаем в будущем вообще что-то совсем другое, то мы этим говорим, что будет нечто, о чем мы сейчас судить не можем.

Мне кажется, некоторые футурологи преувеличивают свои возможности.

Я допускаю — вот вам мое футурологическое заключение, — что, может быть, лет через 200—300, если человечество уцелеет, установится такая цивилизация, которая будет строиться совершенно на новых осно-

ваниях, нежели сегодняшняя. Такое уже было: средние века и античный мир. Забыли про античный мир, все ценности отпали. В Риме в IV—V веках н. э. было 4 миллиона жителей, а лет через 150—200 стало 30 тысяч. Была просто другая цивилизация, и потребовалось слово «возрождение»: через тысячу лет вспомнили про старые ценности.

Может быть, и у нас через 200 лет мир будет построен на иных энергетических, человеческих основах. Возникнет другая цивилизация.

— А еще через тысячу — мы повернемся к утраченным ценностям?

— Это будет прогресс, но с гигантскими утратами.

Видите, куда мы в разговоре зашли, куда залетели.

* * *

Человеку дано охватывать мысленным взглядом время, скользя крылом над веками. Ему дано узнать на ощупь и подробности бытия, испытать на себе сладость и ужас мгновений своей жизни.

И, конечно, мечтать, проектировать будущее.

Эйдельман улетел на неделю в Швейцарию, чтобы, вернувшись, окунуться в свою стихию — в историю отечества — и оттуда заглядывать к нашим потомкам.

90-летняя Немцова готовилась ко второй операции на глазах. Она не хотела окончательно ослепнуть. В ней жила надежда — видеть.

Я спросил ее:

— Что вас беспокоит?

— Задача вроде бы названа: совершенствование социализма. Надо бы добавить идейного содержания: доводя социализм до совершенства, не ограничиваться удовлетворением материальных интересов. Беспокоит приземленность целей. Хотя, конечно, это правильно: хорошо поработаешь, хорошо и поживешь. Но не забыть бы при этом наше, идейное!

И добавила: «Когда мы говорим «больше социализма», мы не должны забывать: социализм — это правда, поставленная на большую высоту».

Это уж точно. Нам бы эту правду опустить с высокого пьедестала поближе к земле.

Но есть мудрость и в совете: почаще выглядывайте в небо...

СОДЕРЖАНИЕ

Большевик Зинаида Немцова как она есть	3
Эпоха в письмах	21
Оптимизм исторического знания	42

ГЛОТОВ Владимир Владимирович

ШАГ ВЛЕВО,
ШАГ ВПРАВО...

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 16.12.88. Подписано к печати 27.02.89. А 08828.
Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отг. 2,98. Уч.-изд. л. 4,35.
Тираж 150 000 экз. Заказ № 3514. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Госстрах проводит добровольное страхование средств транспорта «авто-каско» и возмещает ущерб их владельцам в случае повреждения или гибели средств транспорта в результате аварий, различных стихийных бедствий, а также при их похищении или угоне.

● Находящиеся в личной собственности граждан автомашины, мотоциклы, мотороллеры, мопеды, моторные, парусные, гребные лодки, катера и другие суда можно застраховать на один год или на срок от 2 до 11 месяцев.

● Плата за страхование устанавливается в зависимости от вида транспорта, размера страховой суммы и срока страхования и вносится при заключении договора. Если годовой платеж превышает 30 рублей, то уплатить его можно за два раза: половину суммы — при заключении договора, а оставшуюся сумму — в течение 4 месяцев после вступления договора в силу.

● Внести платеж можно наличными деньгами или путем безналичного расчета.

● Лицам, страховавшим средства транспорта в течение двух и более лет без перерыва и не допустившим за это время по своей вине аварий, Госстрах предоставляет скидки в размере 10%, а в течение трех и более лет — 15%.

ВНИМАНИЮ ВЛАДЕЛЬЦЕВ АВТОМОБИЛЕЙ!

● Госстрах предлагает Вашему вниманию современный вид страхования «АВТОКОМБИ».

● Подробно ознакомиться с условиями страхования средств транспорта «авто-каско» и «авто-комби», а также оформить договор можно у страхового агента или в инспекции Госстраха.

Госстрах РСФСР